

Красное крещение — Агафонов Н.В.

Агафонов Николай, протоиерей

С высоты птичьего полёта открываются живописные окрестности небольшого мужского монастыря. Беленные стены монастырской ограды среди зелени полей и перелесков не портят картины природы, а лишь подчеркивают, как гармонично вписано создание рук человеческих в мироздание Божие.

Киноповесть

1

С высоты птичьего полёта открываются живописные окрестности небольшого мужского монастыря. Беленные стены монастырской ограды среди зелени полей и перелесков не портят картины природы, а лишь подчеркивают, как гармонично вписано создание рук человеческих в мироздание Божие. Лучи раннего утреннего солнца уже поблескивают на золоченых куполах величественного собора. Небольшой, чистый, вымощенный камнем дворик между собором и братским корпусом пуст. Лишь возле монастырской калитки, на лавочке, сидит привратник — монах Тихон. Кажется, дремлет, но это обманчивое впечатление. Если присмотреться внимательно, можно заметить, как его старческая костлявая рука медленно перебирает четки, а губы под пышными седыми усами едва шевелятся, беззвучно произнося слова молитвы. Неожиданно тишину утра нарушает грохот артиллерийского орудия. Старец вздрагивает и, открыв глаза, с недоумением смотрит в небо. По бескрайней лазури безмятежно плывут редкие пушистые облака. Все спокойно, и Тихон вновь прикрывает глаза, и рука, было застывшая, вновь привычным движением пальцев начинает неспешно перебирать четки.

2

В березовом перелеске на краю поля красные кавалеристы держат под уздцы запряженных лошадей. Лица их встревожены. Они напряженно всматриваются сквозь редкие стволы деревьев, потом поглядывают на своего командира, Артема Крутова, который спокойно покуривает, беспечно поглядывая на птаху, примостившуюся на ветке березы.

Раздается громкое «ура». Птица вспорхнула с ветки и улетела. Крутов проводил ее взглядом и чему-то улыбнулся. Справа от перелеска поднимаются цепи красноармейцев и устремляются вперед с винтовками наперевес.

Кавалеристы нервно переминаются с ноги на ногу и кидают вопросительные взгляды на Крутова: мол, не пора ли нам? Но тот продолжает спокойно покуривать папиросу.

На другом конце поля перед орудейным расчетом полевой пушки стоит прапорщик и кричит: — Осколочным заряжай!

Выстрел из пушки изрядно проредил ряды красных, но не остановил. Застрочил пулемет. Красные залегли. Тут в атаку поднялись белые.

Крутов, отбросив папиросу, поднес к глазам бинокль и усмехнулся. Отложив бинокль, он повернулся к своим красноармейцам и весело подмигнул. Лицо его словно преобразилось, в нем уже нет былой безмятежности, а в глазах заискрился бесенок азарта.

— Ну что, хлопцы, застоялись? По коням! Зададим перцу белой сволочи!

Ловко вставив ногу в стремя, он легко вскакивает в седло. Красноармейцы проделывают то же самое почти одновременно с командиром. Рука Крутова ложится на эфес сабли, и в тишине леса раздается зловещий звук вытягиваемого из ножен клинка.

«Ввжжик», — пропела сабля Крутова, и эту песню металла подхватывает более сотни сабель.

— За мной! — дико орет Крутов и, вонзив шпоры в коня, выскакивает из леса, увлекая за собой

бойцов.

Красная кавалерия, аллюром рассыпаясь по полю, устремилась на белую пехоту. Но тут Крутов краем глаза заметил выскочившую из-за оврага кавалерию белых. Не сбавляя бег коня, он повел поводья влево, и красноармейцы устремились за ним. Конница красных, выгибаясь в громадную дугу, проводит сложный маневр и на полном скаку врывается в кавалерийский эскадрон белых. Началась кровавая сеча.

Взрывы, выстрелы, ругань и стоны раненых уносятся в бездонное, казалось, невозмутимо-равнодушное небо...

3

Негромкое, но торжественное пение мужского монашеского хора наполняло душу спокойствием и умиротворением. Степан, семнадцатилетний юноша в подряснике послушника, стоял на клиросе среди монахов, поглядывая то в ноты, то на регента, и старательно тянул свою теноровую партию.

На амвон вышел настоятель монастыря архимандрит Таврион. Опираясь на посох, он внимательным глубоким взглядом с грустью обвел притихшую братию. Теперь, при полной тишине, в храм глухо, но все же доносятся раскаты выстрелов. Выдержав паузу, он начал свою проповедь:

— Братья мои, здесь, в храме, приносится мирная, бескровная жертва Христова, а за стенами обители льется кровь человеческая в братоубийственной войне.

Глаза настоятеля, посуровев, сверкнули гневом, и он продолжил:

— Ныне сбываются слова Писания: «Предаст же брат брата на смерть и отец сына; восстанут дети на родителей и умертвят их».

Степан с умилением смотрел на отца Тавриона и вспоминал тот день, когда он впервые прибыл в монастырь с родителями.

4

Вот они все сидят за полукруглым столом в покоях настоятеля. Отец Таврион в простом подряснике и черной скуфейке. Он сам почти ничего не ест, а старается потчевать гостей, мягко подтрунивая над ними. По правую руку от него сидит отец Степана — поручик Николай Трофимович Корнеев. Он в полевой офицерской форме и тоже старается шутить, поддерживая отца Тавриона.

Мама Степана — Анна Семеновна — вынужденно улыбается шуткам отца Тавриона какой-то вымученной улыбкой. Иногда ее большие карие глаза, полные любви и нежности, останавливаются на сыне, и тогда их заполняет печаль. Степан в гимназическом кителе сидит напротив отца Тавриона и беспечно кушает жареного судака, прислушиваясь к разговору старших.

— Так что же это получается, Николай Трофимович, с одной войны пришли и на другую идете? Не устали воевать-то? — с ноткой иронии спрашивает Корнеева отец Таврион.

— Устал, отец Таврион, конечно устал, — тяжело вздохнув, отвечает Корнеев. — Да и в стороне оставаться, когда отечество супостатами терзается, не могу.

— Правильно изволили выразиться, Николай Трофимович. Супостаты они, коли руку на святое подняли, — кивает головой отец Таврион, а затем поворачивается к Анне Семеновне: — Ну а ты, сестренка, почему на войну собралась? Женское ли это дело? На кого Степку оставишь? Ему родительский присмотр нужен.

Анна Семеновна ласково треплет сына по голове:

— Он у нас уже самостоятельный, — и переводит взгляд на отца Тавриона. — Не обессудь, отче, хотим тебя просить приютить племянника. Нам с Николаем будет спокойно, да и он о монастыре всегда мечтал. А что до меня, так я прошла курсы сестер милосердия...

Таврион внимательно посмотрел на Степана. Тот, засмуцавшись, опустил взор.

— Вижу, что отрок сей нашего рода, иноческого, — сказал задумчиво отец Таврион и тут же добавил, обращаясь к Анне Семеновне: — Ты, сестра, за сына не беспокойся, при деле будет и под моим личным присмотром.

5

Очнувшись от воспоминаний, Степан прошептал:

— Господи, спаси моих родителей, воина Николая и Анну.

Отец Таврион меж тем продолжал:

— За грехи и отступления от веры Господь попустил диаволу увлечь народ ложными обещаниями райской жизни на земле. Но там, где царствует грех, не может быть райского блаженства. Человек, отказавшийся от Бога, лишь умножит свои скорби. Молитесь, братия, ибо близок час испытания нашего. И помните, что только претерпевший до конца будет спасен. Аминь.

6

Раздался стук в монастырские ворота, и привратник Тихон не торопясь заковылял к калитке. Приоткрыв небольшое окошечко, он выглянул, чтобы посмотреть, кто стучится. Но тут же, охнув, с поспешностью стал открывать калитку. В монастырь буквально ввалились два раненых офицера. Совсем юный корнет был ранен в руку, но другой, здоровой, рукой поддерживал поручика с перевязанной головой, который еле держался на ногах.

— Помогите ради Христа, нас преследуют красные, — умоляющим голосом обратился к привратнику корнет.

В это время из храма вышел отец Таврион с братией монастыря. Тихон торопливо заковылял к настоятелю и, подойдя, зашептал ему что-то на ухо. Голова раненого поручика безвольно свисала вниз, так что лица его не видно. Степан присматривался к офицеру, и волнение его возрастало. В какой-то момент ему показалось, что это его отец. Не выдержав, он с криком побежал навстречу раненому поручику:

— Отец!

Поручик поднял голову и с недоумением посмотрел на подбегающего к нему Степана.

Увидев лицо офицера, юноша в растерянности остановился. Поручик, поняв, что мальчик просто обознался, ободряюще улыбнулся Степану.

Слушая привратника, отец Таврион с тревогой и состраданием глядел на офицеров. В это время в ворота монастыря громко забарабанили.

— Отворяй ворота, живо! А не то разнесем все к чертовой матери.

— Отец келарь, — обратился настоятель к одному из монахов, — быстро уведите и спрячьте раненых. — Затем, повернувшись к привратнику, распорядился: — Иди, Тихон, отворяй, да не спеши.

7

В распахнутых воротах обители показались красные кавалеристы во главе с Крутовым. За ними строем шагала отряд латышских стрелков. Отец Таврион молча взирал на них. Крутов направил коня прямо на настоятеля, видимо решив устрашить монаха. Но тот даже не шелохнулся. Крутов осадил коня прямо перед отцом Таврионом и с интересом разглядывал монаха. Потом молча объехал его кругом и весело прокричал, не обращая ни к кому конкретно:

— Ну, святые угоднички Божьи, признавайтесь, куда золотопогонников подевали? А? Что молчите?

В это время в монастырь вкатилась бричка, запряженная в пару лошадок. На бричке в

небрежной позе развалился комиссар полка Коган Илья Соломонович. Бричка остановилась, комиссар не торопясь вынул носовой платок и так же не торопясь протер пенсне, а затем уж сошел с брички и направился в сторону Крутова и монахов.

— Ну ты, с палкой, — обратился Крутов уже конкретно к отцу Тавриону, опирающемуся на свой посох и в упор смотрящему на него. — Чего насупился, как мышь на крупу? Прошло ваше время народ пугать карой небесной. Теперь мы вас пугать станем карой земной, а это куда уж поконкретнее будет. — И рассмеялся, довольный собой, поглядел на Когана: мол, вот я какой, полюбуйся, товарищ комиссар.

Глаза отца Тавриона засверкали гневом, но он, опустив взгляд, едва сдерживая себя, с достоинством, четко разделяя слова, произнес:

— Что вам от нас угодно? Потрудитесь объяснить, по какому праву вы врываетесь в обитель Божью?

Крутов в деланом изумлении поднял брови, повернулся к своим бойцам и подмигнул. Те засмеялись, один лишь Коган сохранял молчаливую брезгливость:

— Запомни, монах, — смеясь, сказал Крутов, — права мы ни у кого не спрашивали и не будем спрашивать: ни у Бога, ни у черта. — Потом, сразу посерьезнев, добавил: — А вот с тебя, черноризец, я спрошу: где ты офицериков укрыл? Да не вздумай отпираться, я сам видел, как они в сторону вашего монастыря шли.

Отец Таврион поднял строгий взгляд на Крутова и спокойно ответил:

— А я никого не видел. Извольте сейчас же покинуть нашу обитель.

Крутов уже собирался ответить на эти дерзновенные слова настоятеля, но тут неожиданно вмешался комиссар:

— Мне кажется, товарищ Крутов, у его высокопреподобия что-то со зрением случилось. Но мы это зрение ему поправим.

— А ведь ты прав, товарищ Коган, если человек не видит врагов революции, то он либо слеп, либо сам такой же враг. Я, вашу мать ети, — вдруг заорал Крутов, — весь монастырь наизнанку выверну, а золотопогонников найду.

При этих словах он соскочил с лошади и выхватил из кобуры маузер.

— Петров, Афанасьев, Собакин, обыщите храм. А вы трое со мной. Монахов охранять, чтоб ни один с места не тронулся. Если найдем офицеров, всю монашескую контру к стенке поставим.

И Крутов быстрым шагом направился к братскому корпусу. Комиссар продолжал брезгливо разглядывать настоятеля.

— Значит, не видели? Зубов! — позвал он своего возницу, вихлястого, развязного парня, явно уголовной наружности.

Когда Зубов приблизился, Коган склонился к его уху и что-то шепнул. Тот, глумливо ухмыльнувшись, кивнул Когану:

— Сейчас, товарищ комиссар, я ему мигом zenки вправлю.

Он вытащил из кармана складной нож и, поигрывая им, подошел к отцу Тавриону. Настоятель, не дрогнув, смотрел прямо в лицо Зубову. Того несколько смутил прямолинейный взгляд монаха.

— Чего, контра, zenки вылупил, — прошипел он и, обойдя архимандрита, стал позади него.

Зубов моргнул двум латышам, и те подошли к нему.

— Держите этого гада за руки, да покрепче.

Настоятель пытался отдернуть руки, но стрелки, вырвав у него посох и отбросив его в сторону, крепко взяли отца Тавриона с двух сторон за руки выше локтей. Зубов подсечкой уронил настоятеля на колени и схватился одной рукой за подбородок. При этом клубок архимандрита съехал набок, а затем и совсем упал на землю. Зубов, запрокинув голову монаха лицом кверху, быстрым движением проткнул ему один глаз ножом. Отец Таврион, дико вскрикнув, вырвал руку у латыша, схватившись за глаз.

— А-а-а... — застонал отец Таврион, мотая головой из стороны в сторону, — что же вы творите, ироды окаянные?

Монахи охнули при виде такой жестокости и подались вперед. Но латышские стрелки с винтовками наперевес оттеснили их к стене корпуса и взяли в плотное оцепление. Степан закричал, но стоящий с ним рядом монах Гавриил обхватил его рот рукой и прижал к себе. Из широко открытых глаз Степана полились слезы на руку Гавриила.

— Тише, Степка, тише, — зашептал монах. — Сейчас и до нас, парень, очередь дойдет. Молись. Но молиться Степан не мог, в глазах его застыл безмолвный ужас.

— Ну, вот теперь, монах, отвечай: видел офицеров? — задал свой вопрос Коган.

— Нет, изверги, нет, я никого не видел. Не видел, супостаты.

— А ты, Зубов, не долечил человека, — ухмыльнулся Коган, — видишь, он говорит, что не видел.

— Да как же так не видел? Ведь врет, сволочь, и не краснеет, — ухмыльнулся Зубов и снова достал нож. — Сейчас, товарищ Коган, мы это подправим.

При этих словах красноармейцы снова крепко схватили настоятеля за руки.

Келарь монастыря отец Пахомий закричал:

— Что же вы творите, проклятые! Креста на вас нет!

Он попытался прорвать оцепление солдат, но его тут же сбили с ног прикладом винтовки и, несколько раз ударив, снова водворили в толпу монахов. Зубов между тем подошел к отцу Тавриону и проколол ему второй глаз. Красноармейцы отпустили руки ослепленного отца Тавриона. Из пустых глазниц настоятеля текли кровавые слезы. Он воздел руки к небу и возопил:

— Вижу, теперь вижу, — крикнул он.

Все, в том числе и монахи, в ужасе и удивлении переглянулись между собой.

— Наконец-то прозрел, — довольно ухмыльнулся Коган, — я же говорил, что зрение можно подправить. Так что вы там видите? Поделитесь с нами, святой отец.

— О! Чудо! — не обращая внимания на сарказм комиссара, воскликнул отец Таврион. — Вижу небо отверстое и Господа со Ангелы и всеми святыми! Благодарю Тебя, Господи, за то, что, лишив земного зрения, открыл духовные очи видеть славу...

Договорить отец Таврион не успел. Лицо комиссара перекосилось, и он, выхватив из кобуры револьвер, выстрелил в настоятеля. Архимандрит, вздрогнув всем телом, упал лицом на мощенную камнем монастырскую площадь. В это время вернулся Крутов. Взглянув на убитого архимандрита, покачал головой. Неожиданно раздался звон колокола. Монахи истово закрестились. Степан видел, как возле убитого отца Тавриона по белым камням растекается алая кровь. Его начал бить озноб.

— Прекратить звон сейчас же, — буквально завопил Коган.

Двое бойцов метнулись в сторону раскрытых церковных дверей. Вскоре звон прекратился так же внезапно, как и начался. Послышался удар упавшего тела. Монахи обернулись и увидели сброшенного с колокольни звонаря Иеронима. Кровь, вытекающая из его разбитой головы, струйкой потекла по ложбинкам каменных плит и, встретившись с ручейком крови, текущей от убитого настоятеля, соединилась, и образовалась лужица, которая на глазах Степана ширилась и росла. Все перед его глазами стало красным. Степан стал заваливаться на бок. Монах Гавриил бил его слегка по щекам и шептал:

— Степка, очнись. Очнись, ради Христа.

Степан открыл глаза и бессмысленно посмотрел на Гавриила. В это время из-за угла собора вышли, прихрамывая и поддерживая друг друга, раненые офицеры. Они остановились и обессиленно прислонились к стене собора. Поручик, с усилием подняв голову, тяжелым взглядом обвел красноармейцев и, остановившись на Крутове, хриплым голосом проговорил:

— Хватит издеваться над безоружными монахами, мы вам нужны, вот нас и берите.

8

Пока все смотрели на выходивших офицеров, монах Гавриил быстро нагнулся к Степану и

прошептал:

— Вот тебе ключ от подвала, беги из монастыря, спасайся.

Он указал ему на маленькое окошко — отдушину, ведущую в полуподвал братского корпуса, возле которого они стояли. Степан в нерешительности тряс отрицательно головой.

— Да лезь ты, кому говорят, пока не поздно, — с раздражением шептал монах.

Степан испуганно глянул на окошко, затем на отца Гавриила.

— Беги, Степка, — умоляюще зашептал Гавриил, подталкивая Степана к окошку.

Нагнувшись, Степан просунул голову в окно и полез. Монахи столпились поплотней у окошка, чтобы прикрыть бегство Степана от красноармейцев. Едва Степан успел протиснуться в окошко и свалиться на пол подвала, как красноармейцы повели монахов в глубь монастырского двора.

Степан некоторое время лежал на полу, прислушиваясь. Из монастырского двора прозвучал одиночный выстрел, и Степан подскочил с пола и стал быстро пробираться между бочками и ящиками к двери. Трясущимися руками он долго не мог попасть ключом в скважину замка.

Наконец дверь удалось открыть. Но едва он выбрался по лестнице из подвала в коридор, как услышал голоса красноармейцев, входящих в братский корпус. Степан скинул ботинки и, взяв их в руки, на цыпочках быстро побежал по коридору к своей келье. Его продолжало трясти, словно в лихорадке. В келье он снял подрясник и переделался в гимназический китель. Затем стал складывать вещи в мешок и тут услышал громкий смех и звук шагов в коридоре. Он быстро снял висящий на гвозде у кровати бинокль, сунул его в мешок и, нырнув под свою кровать, притаился. От удара ногой дверь в его келью распахнулась, и вошли двое красноармейцев. Прямо перед собой Степан увидел ноги в армейских обмотках, и на его лице выступил пот. В его голове звучала только одна фраза: «Господи, помоги!»

— Тут нечем поживиться, — сказал один красноармеец, и ноги в обмотках направились к выходу.

Степан вылез из-под кровати. Перекрестившись на иконы, подошел к двери, прислушался, а затем, приоткрыв ее, выглянул в коридор. Убедившись, что поблизости никого нет, он вышел.

Из монастыря Степан вышел через небольшую потайную калитку в стене. Здесь начинался монастырский огород, а за ним лес. Пригнувшись, Степан побежал между огородных грядок к лесу. На краю леса он с размаху упал на траву и дал волю слезам. Некоторое время его плечи содрогались в беззвучном плаче, затем он встал, вытер тыльной стороной ладони слезы, в последний раз оглянулся на монастырь и побежал в глубь леса.

Степан бежал по лесу, а в его сознании звучало печальное монашеское песнопение. Оно становилось все торжественнее и торжественнее. Степан шел по лесной дороге, лес закончился, и перед ним был крутой пригорок, он вскарабкался по нему и увидел перед собой поле, а вдали реку. Он перешел поле и долго сидел на берегу реки, а песнопение монастырского хора все продолжало звучать в его душе.

Он не видел, как расстреливали офицеров прямо у стены собора. Не видел, как гнали монахов в поле и заставляли копать для себя братскую могилу.

Степан ничего этого не видел, но догадывался об ужасах, творимых в монастыре, и ему казалось, что над полем и лесом звучат торжественные погребальные стихиры:

Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть,
И вижу во гробех лежащую, по образу Божию
Созданную нашу красоту.
Безславу и безобразну, не имущую вида.
О! Чудесе, что сие еже о нас бысть таинство.
Како предахомся тлению?
Како сопрягохомся смерти?..

9

Степан пробирался вдоль рядов шумной и людной городской рыночной площади. Вид его был довольно жалок. Ноги босы. Гимназический китель, на котором остались всего две медные пуговицы, надет прямо на голое тело. Одна брючина порвана внизу почти до колена. Взгляд его голодных глаз невольно останавливается на продуктах, разложенных на прилавках. Степан сглатывает слюну и, прижимая к груди вещевой мешок, продолжает пробираться среди людской толчеи.

Один из торговцев, остановив Степана и ощупав его вещмешок, спросил:

— Что там у тебя, вроде бинокль? Давай менять на картошку.

Степан резко дернулся, отстраняясь от навязчивого торговца:

— Это я не могу менять, об отце память.

— Вижу, что жрать хочешь, — ухмыльнулся торгаш, — какая тут память, голод не тетка.

Степан, покачав отрицательно головой, прошел быстро вдоль рядов к деревянному забору и устало присел возле него, облокотившись спиной о штакетник. Он раскрыл свой вещевой мешок, достал бинокль, посмотрел на него. Затем прикрыл глаза, вспоминая отца с матерью.

10

В гостиной накрыт праздничный стол с именинным пирогом. Вся семья Корнеевых в сборе. Папа с мамой радостно улыбаются, глядя на сына, и поднимают бокалы с шампанским. Какие они красивые, его родители! Мама в светло-розовом платье, а папа в офицерском мундире с погонами поручика.

— Поздравляем тебя, сынок, с днем твоего Ангела. Вот тебе мой подарок, — при этих словах отец достает бинокль и подает его Степану, — я его с фронта привез, трофейный немецкий, четырнадцатикратного приближения. Будет тебе памятью об отце.

Степан с восхищением глядит на бинокль, а родители поют ему «Многая лета...».

11

— Это чего у тебя? — услышал вдруг Степан вопрос над самым ухом.

Он быстро открыл глаза и с тревогой оглянулся.

Рядом с ним у забора сидел белобрысый парень в рваной тельняшке, в белых, замызганных грязью брюках, так что их белый цвет лишь угадывался. На Степана смотрели с наглой усмешкой светлые, почти белесые глаза. Парень был примерно одного возраста со Степаном, только чуть ниже ростом и коренастей.

— Чего это у тебя? — повторил он свой вопрос и, вынув из кармана штанин краюху хлеба, стал есть.

Степан сглотнул слюну и, отвернувшись, ответил:

— Это бинокль, от отца.

— Понятно, — равнодушно произнес парень, отламывая от своей краюхи кусок и толкая в плечо Степана: — На, ешь.

— Спасибо, я не голоден, — ответил Степан, не поворачиваясь к парню и снова сглатывая слюну.

— Да ты че, — удивился тот, — из интеллигентных, что ли? Ешь, пока дают.

Степан как бы нехотя взял хлеб и тут же, откусив большой кусок, стал быстро жевать. Поперхнувшись, он закашлялся.

— Ешь, не бойся, не отниму.

— Я и не боюсь, — обиженно и с вызовом сказал Степан, проглотив почти не жуя последний кусок.

Парень уже тоже доел свой кусок и протянул руку к биноклю:

— Дай посмотреть, да ты не бойся, не возьму.

— А я и не боюсь, — опять с вызовом ответил Степан и подал бинокль.

Парень взял бинокль, повертел его в руках. Потом посмотрел в него на базарные прилавки и засмеялся, пытаясь рукой дотянуться до продуктов, которые теперь, ему казалось, лежат прямо перед ним.

— Полезная штука, — сказал он, а потом вдруг неожиданно вскочил на ноги и припустился бежать что есть мочи от Степана с его биноклем.

Степан тут же подскочил, как ужаленный, и, позабыв свой вещмешок, бросился вдогонку.

12

Парень ловко перескочил через забор и, добежав до переулка, свернул в него. Степан не отставал. Наконец он сообразил, что парень бежит прямо к складам на пристани, и побежал за ним по параллельному переулку, стараясь сократить дорогу. К складам они подбежали почти одновременно. Но тут парень кинулся к высокой деревянной ограде и, отодвинув доску, юркнул в щель. Степан нырнул за ним следом и очутился в замкнутом дворе между сараями. Он оторопел от увиденного. Воришка уже никуда не бежал, а стоял с наглой ухмылкой посреди такой же шпаны, как и он сам. Ребят было человек десять. Всем лет по восемь, двенадцать. Парень, укравший бинокль, был старше их всех, если не считать еще одного, здорового парня лет восемнадцати. Он сидел на большой бочке, как на троне, и тоже с интересом рассматривал Степана. В отличие от других беспризорников, одетых в рваные лохмотья, этот парень одет получше и почище. Беспризорники тут же обступили Степана кольцом. Он от растерянности остановился и молчал. Все тоже стояли молча и смотрели на него. Степан понял, что он попался и так просто ему отсюда не уйти. Но все же, глянув исподлобья на укравшего у него бинокль парня, твердо сказал:

— Отдай, это не твой.

— Что с воза упало, то пропало, — смеясь в лицо Степану, ответил тот.

И все беспризорники захохотали.

Не смеялся только парень, восседавший на бочке. Он продолжал с интересом разглядывать Степана.

— Сивый, — обратился он к белобрысому парню, — чего этот чужак от тебя хочет?

Сивый еще по дороге успел куда-то сунуть бинокль и теперь, невинно расставив руки, с той же наглостью, как и прежде, сказал:

— Не знаю, Брынза, чего он пристал к честному человеку.

— Не к честному, а к вору, — в запальчивости выкрикнул Степан.

Его слова снова вызвали у беспризорной братии гомерический хохот.

— Ты кто? — обратился Брынза к Степану.

— Он у меня бинокль украл, — не отвечая на вопрос главаря, упрямо мотнув головой, сказал Степан.

— Да мы тут все крадем, — ухмыльнувшись, развел руками Брынза, и беспризорники опять загоготали.

— Это бинокль, память об отце. Он на войне, — потупив голову, но твердым голосом произнес Степан.

— Ах, гнида, — закричал белобрысый, — я тебя сразу раскусил. С красными твой отец воюет. Офицер небось. У тебя же это на лбу написано, ты же контра.

— Ша, Сивый, — властно выставил вперед руку Брынза, — у нас здесь нет ни белых, ни красных, иди, тащи бинокль. Решать будем.

Степан облегченно вздохнул, считая, что дело его уже решено. Но он ошибся. Когда Сивый, быстро сбегав, принес бинокль и передал Брынзе, тот, повертев его в руках, спросил Степана:

— Об отце, говоришь, память? Хочешь вернуть свою вещичку?

— Да, — с готовностью ответил тот.

— Тогда дай Сивому за нее выкуп и забирай.

— Какой выкуп? — растерялся Степан. — Это и так моя вещь.

— Была ваша, стала наша, — ехидно сказал Сивый и, подраживая Степана, стал ходить вокруг него, кривляясь и напевая:

Цыпленок жареный,
Цыпленок пареный
Пошел на речку погулять.
Его поймали, арестовали,
Велели паспорт показать.
Паспорта нету,
Гони монету,
Монеты нет,
Садись в тюрьму.
Тюрьма закрыта,
Доской забита...

— У меня нет выкупа, — сказал, нахмурившись, Степан.

— Тогда просто отыми у него, — спокойно предложил Брынза, глядя в бинокль и направляя его на Степана.

— Как это? — не понял Степан.

Но Сивый при словах Брынзы тут же подскочил к Степану и ударом кулака сбил его с ног.

— А вот так, аристократ вонючий.

Степан, быстро вскочив на ноги, принял боксерскую стойку: выставив перед лицом кулаки тыльными сторонами к противнику, стал пружинисто подпрыгивать на ногах, вспомнив, как его учили английскому боксу.

Это так рассмешило Сивого, что он перестал драться, а, схватившись за живот, истерично захохотал.

— Вы гляньте, братцы, только гляньте, что аристократик вонючий вытворяет. Он со страху в штаны наложил и трясется.

Беспризорники тоже хохотали.

— Хвать ржать, придурки, — рявкнул Брынза, — это английский способ драться, бокс называется, я в цирке видел. А вы, балбесы, хоть раз в цирке бывали?

Все примолкли. Сивый, глумливо кривляясь, подошел ближе к Степану и, замахнувшись, ударил, но Степан, легко отскочив, уклонился от удара, быстро перешел в контрнаступление и ударил Сивого кулаком в нос. Тот схватился рукой за нос, а когда отнял руку и увидел, что она в крови, прошипел:

— Ну, белая кость, держись, я тебе твою голубую кровь пущу. Будешь знать, как нашу, пролетарскую, проливать.

При этих словах Сивый, резко упав на спину, молниеносно двумя ногами подсек ноги Степана. Тот упал.

Сивый кинулся к забору и, выдрав штакетник, подбежал к поднимающемуся Степану и ударил его палкой по рукам, которыми тот опирался о землю, пытаясь подняться. Руки Степана подкосились, он снова упал. Тогда Сивый ударил его палкой по спине. От этого удара штакетина переломилась пополам. Ногой Сивый успел еще пнуть Степана в лицо. Степан поднялся с трудом, его шатало из стороны в сторону, но он вновь принял боксерскую стойку.

Сивый, поигрывая обломком штакетины, со злорадной ухмылкой смотрел на подходившего к нему Степана, у которого из разбитой губы струилась кровь.

— Гляньте-ка, у этого аристократика кровь все же красная.

— Это нечестно, — еле ворочая разбитыми губами, сказал Степан.

— Это тебе не дуэль, тут правил нет.

— Отдай бинокль, — снова проговорил Степан, исподлобья глядя на Сивого.

— Держи карман шире, ты заставь меня отдать.

Тут Степан неожиданно с диким криком кинулся головой в грудь противника. Сивый упал. Степан прыгнул на него, но тот успел выставить вперед ступню ноги, и Степан, налетев на ногу животом, перелетел через Сивого. Сивый ловко на спине развернулся к Степану, поднял ноги и ударил пятками в живот Степана. Степан согнулся от боли, но успел перехватить одну ногу Сивого и яростно вцепился в нее зубами.

— Ай, ай, яй-яй, — завопил Сивый, — отпусти! Больно, больно, гад.

Но Степан и не думал отпустить, а еще сильнее сомкнул зубы.

— Ненормальный, — заорал что было сил Сивый, — забирай свой бинокль.

Степан отпустил ногу Сивого, встал и, отплеывая кровь, подошел к Брынзе. Сивый, сидя на земле и схватившись за окровавленную ногу, причитал:

— Ой, мамочки, ой, родненькие, вот подлюга, как кусается.

— Ну ты, Аристократ, даешь, — сказал Брынза, не то одобрительно, не то осуждающе покачивая головой и отдавая бинокль Степану.

Степан взял бинокль и подойдя к Сивому, примирительно сказал:

— Вы уж простите меня, как-то так получилось, я не хотел.

Сивый уже успел обмотать рану какой-то тряпкой. Он вдруг улыбнулся и, поморщившись, встал, протягивая Степану руку:

— Да чего там. Я сам не ожидал. Молодец, Аристократ, не хлюпик. Уважаю. А кто старое помянет, тому глаз вон.

— Я сам от себя этого не ожидал, — сказал Степан, в смущении пожимая руку Сивому.

13

Беспризорники спали в большом сарае, кто где устроился. Кто в большой бочке, кто на соломе, кто на каком-нибудь рванье. Брынза спал в самодельном гамаке из рыбацких сетей. Степан — в углу сарая прямо на досках, подложив под голову узелок и накрывшись дырявым мешком. Лучи раннего утреннего солнца начали проникать в щели сарая и небольшие оконца. Беспризорники стали вставать, позевывая и почесываясь, беззлобно переругиваясь между собой. Степана разбудил Сивый.

— Ну ты, Аристократ, и спать горазд. Кто же за тебя работать будет?

— Что, где? — спросил Степан, спросонья протирая глаза и недоуменно оглядываясь кругом.

— Работать, говорю, пора, — ухмыльнулся Сивый.

— Работать? Я готов. Что делать? — спросил Степан, окончательно приходя в себя.

— Воровать пойдем, что еще делать, — хохотнул Сивый.

— Как воровать? — не понял Степан.

— Как все воруют, — похлопал его по плечу Сивый.

— Нет, воровать я не буду.

— Как это не будешь? — возмутился Сивый. — Жрать ворованное всегда готов, а воровать не будешь?!

— Да я не умею, — оправдывался Степан.

— Это не беда, научим. Пойдем на рынок, с утра, в суматохе всегда сподручней.

— А нельзя ли какую другую работу?

— Слушай, Аристократ, у нас тут закон суровый. Даром тебя кормить никто не будет.

14

Над городским женским монастырем в честь Иверской иконы Божией Матери разносится колокольный звон, призывая к утренней службе.

По базарной площади спешат две женщины, они несут тяжелую корзину, взявшись вдвоем за

ее ручки.

Сзади идут Степан и Сивый. Сивый подмигивает Степану и, обогнав женщин, поворачивается к ним:

— Здравствуйте, гражданки, давайте я вам помогу ради праздника.

Женщины останавливаются и окидывают Сивого недоверчивым взглядом:

— Спасибо, — говорит одна из них, — но мы уж сами как-нибудь. А ты ступай своей дорогой.

— Да нет, давайте все же помогу, — говорит настойчиво Сивый и берет за ручку корзины.

Женщина испуганно дергает корзину к себе, а Сивый тянет к себе. В это время к ним подбегает Степан. Он теперь уже не тот растерянный и наивный юноша. Взгляд его нагло-уверенный и насмешливый.

— Ты чего к дамам пристаешь, а ну иди отсюда, вор, я тебя знаю.

Женщины теперь уже растерянно смотрят на Степана, но они рады такой заступе.

— Иди, откуда пришел, — продолжает грозным голосом Степан, обращаясь к Сивому, — как тебе только не совестно к святым людям приставать.

Сивый, как будто испугавшись, отпускает ручку корзины и отступает на шаг.

— Иди, иди и не останавливайся, — продолжает грозную речь Степан и берет сам корзину.

— Спасибо, молодой человек, — лепечут женщины, безропотно передавая корзину Степану.

— Мерси, мадам, — говорит Степан, раскланивается и вдруг, сорвавшись с места, пускается наутек.

Женщины охают в растерянности, но тут же, опомнившись, кричат:

— Держи, держи вора!

У одного из прилавков стоят две монахини — молодая и пожилая. Пожилая рассматривает предлагаемый продавцом товар, а молодая оглядывается по сторонам. Незаметно выпростав из-под рясы баранку, откусывает и жует, одновременно наблюдая за убегающими Степаном и Сивым. Когда Степан пробегает мимо нее, она ловко из-под рясы выставляет свою ножку в черном высоком ботинке, и Степан, споткнувшись о ногу монахини, летит вперед носом. Он падает, из корзины высыпаются яблоки. Монахиня, подставившая ногу, испуганно крестится, но в то же время, заметив подкатившееся к ней яблоко, носком ботинка подвигает его к себе, а затем, оглянувшись, нагибается и, подняв, прячет в складках рясы. На Степана накидываются торговцы и начинают его избивать. Монахиня смотрит уже с сочувствием и сожалением на Степана, что не мешает ей, отерев яблоко о рукав рясы, с хрустом откусив, есть. Вторая, пожилая монахиня Феодора, казначея монастыря, кидается защищать Степана от разъяренных торговцев.

15

Настоятельница женского монастыря игуменья Евфросиния сидела за письменным столом в своих приемных покоях и перебирала бумаги, делая на них пометки. За дверью раздался осторожный стук, и женский голос робко произнес:

— Господи Иисусе Христе, помилуй нас.

— Аминь, — не отрываясь от бумаг, ответила игуменья.

Дверь приоткрылась, и в нее проскользнула монахиня Феодора. Подойдя к столу настоятельницы, она остановилась в ожидании. Матушка игуменья, так и не подняв головы на вошедшую, продолжая читать бумаги, спросила:

— Ну что, сестра Феодора, подрядчикам деньги передала?

— Ох, матушка Евфросиния, да какие сейчас деньги, они уже ничего не стоят нынче. Бригадир просит хлебом расплачиваться.

Игуменья отложила в сторону бумаги и подняла усталый взгляд на Феодору.

— Где же нам его взять? Полмешка осталось, да я его на просфоры берегу. Отдадим, а на чем тогда службу совершать?

— Да я, матушка, к вам с радостной вестью! Господь призрел на наше сиротство. Отец Петр из

Покровки после жатвы озимых, как и обещал, прислал тридцать мешков, у них нынче урожай хороший.

— Ну порадовала ты меня, мать моя, договаривайся, пусть подрядчики продолжают крышу перекрывать. Иди, Бог тебя благословит.

Сказав это, матушка игуменья подошла к Феодоре и перекрестила ее. Та поцеловала ей руку, но не уходила. Евфросиния снова было углубилась в бумаги, давая этим понять, что разговор окончен, но, увидев, что та не уходит, подняла на нее вопросительный взгляд:

— Ну, что еще у тебя?

— Племянник отца Тавриона, настоятеля Новоспасского монастыря, где безбожники всех поубивали. Здесь он, у нас. Скитался мальчишка долго, натерпелся, так что и к ворам попал. Приютить бы его надо.

— Царство Небесное мученикам Христовым, — вставая и крестясь на образа, сказала матушка игуменья, — приведи его сюда.

16

Феодора ввела в кабинет настоятельницы Степана с подтеками и синяками на лице. Степан троекратно перекрестился на образа и подошел к игуменье под благословение. Игуменья осенила Степана крестным знамением и, когда он наклонился к ее руке, поцеловала его в голову.

— Бедный ты мой мальчик, как же ты все это перенес там, в монастыре.

Степан, потупив голову, тихо сказал:

— Я очень испугался вначале. Убежал, а потом жалел, что не остался с ними.

— Эх, горемычный ты мой, все смерти боятся.

— Мне уже семнадцать.

— Ну и что? Да какая разница, милый, все под Богом ходим. Феодора, — обратилась она к казначее, — пристрой паренька к бригаде плотников, пусть трудится во славу Божью, да кормите его. Вон какой, в чем душа только держится.

17

Владимир Ильич Ленин из окна своего рабочего кабинета задумчиво смотрел на шагающих строем по кремлевской площади красноармейцев. Потом энергично повернулся к ожидавшей его машинистке.

— Ну-с, сударыня, на чем мы с вами остановились?

Сухощавая мадам лет тридцати пяти, в черной кожаной куртке и темной косынке, повязанной узлом назад, до этого вопросительно смотревшая на Ильича, глянула на бумагу, вставленную в пишущую машинку, и прочитала:

— ...разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий.

— Вот именно, на много, — восторженно воскликнул Ленин.

Он стал шагать взад и вперед по красной ковровой дорожке и диктовать дальше:

— ...Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы должны провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...

После этой фразы Ленин остановился возле стола, взял стакан с чаем в серебряном подстаканнике, отхлебнул, зажмурился от удовольствия и вновь продолжил свое хождение по дорожке.

— ...Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществить их самым решительным образом и в самый короткий срок...

Ленин снова остановился, задумался и, энергично взмахнув рукой, продолжил:

— ...И чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...

Он снова подошел к окну и, глядя на марширующих красноармейцев, в задумчивости негромко проговорил:

— Да-с, судари мои, чем больше, тем лучше...

18

Бригада плотников перелицовывает деревянную крышу монастырского корпуса.

Степан привязывает несколько досок к веревке, спускающейся с лебедки, укрепленной на крыше, и кричит:

— Поднимай.

Доски медленно ползут вверх. Подвязанные посередине, они начинают вращаться, а Степан отворачивается и смотрит на проходящих мимо молодых послушниц, которые, скромно потупив глаза, все же изредка бросают взгляды в сторону Степана. Степан приветливо слегка кланяется им, и, пока он распрямляется, крутящаяся связка досок слегка ударяет его по затылку.

Монахини прыскают и, зажав рты руками, ускоряют шаг.

19

Вся бригада кровельщиков обедает. Их обслуживают монахини. Пожилая монахиня подходит с кувшином молока и наливает Степану в кружку.

Степка с благодарностью смотрит на монахиню.

— Спаси Господи, матушка...

— Кушай, Степушка, сестра Корнелия специально для тебя ходила в Самойловку. У них молоко особенное.

20

Хлынул дождь. Настоящий летний ливень. Бригада, в которой работает Степан, прячется под навесом. Степка видит, как монахини пытаются спасти из-под дождя одежду, развешанную на заднем дворе монастыря, он бежит к ним на помощь. Тащит тяжелую корзину с бельем, но поскользывается и падает в грязь. Молодые монахини смеются, помогают ему подняться и вместе тащат дальше корзину.

21

Степка идет утром на работу вместе с бригадой, его окликает послушница и, подбежав, вручает постиранную рубашку.

22

В губкоме идет экстренное заседание. Обсуждается директива ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Выступает Иван Исаевич Садовский, первый секретарь губкома. Слушают его внимательно, понимая всю значимость данного вопроса для укрепления власти большевиков в молодой советской республике. Иван Исаевич — старый большевик-ленинец. Годы подполья, ссылки и тюрем закалили характер этого нестигаемого революционера. Говорит он жестко, короткими фразами, словно гвозди заколачивает:

— Товарищи! Мы собрались, чтобы обсудить директиву ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Партия требует от нас решительных действий. В идеологии Церковь — наш главный

враг. Сейчас, когда в стране разруха, а в Поволжье голод, мы должны воспользоваться этой благоприятной для нас ситуацией в борьбе с попами и монахами. Их надо уничтожать под корень. Раз и навсегда. Беспощадно истребить всех во имя мировой революции. Изъятие ценностей непременно вызовет сопротивление церковников. Этим обстоятельством и требует незамедлительно воспользоваться Владимир Ильич. Другой возможности у нас с вами, товарищи, может и не быть. Какие будут предложения? — Он сурово обвел глазами всех присутствующих и добавил: — Товарищи, прошу говорить коротко и только по существу вопроса.

Слово взял член губкома Петр Евдокимович Свирников:

— Товарищи, хочу проинформировать вас, что настоятельница женского монастыря игуменья Евфросиния уже приходила к нам с предложением помочь. В воскресенье в монастыре при всем народе отслужат молебен и она сама снимет драгоценный оклад с Иверской иконы Божьей Матери и передаст голодающим, а народу объяснит, что икона и без оклада остается такой же чудотворной.

После этого выступления поднялся невообразимый шум, многие повскакали с мест. Раздались крики:

— Вот ведь, стерва, что удумала: поднять авторитет Церкви за счет помощи голодающим!

— Товарищи, да это же идеологический террор со стороны церковников!

— Прекратить шум, — рявкает Садовский, — заседание губкома продолжается. Слово имеет член Губчека товарищ Коган.

Коган встал, расправил португепю и, оглядев все собрание взглядом, полным превосходства, начал свою речь:

— Товарищи! Никакого идеологического террора церковников мы не потерпим. На любой террор мы ответим беспощадным красным террором. В данной ситуации, я считаю, нам нужно нанести упреждающий удар. В воскресенье мы войдем в монастырский собор прямо во время службы и начнем изъятие церковных ценностей. Если будет оказано сопротивление, тем лучше. За саботаж советской власти мы арестуем игуменью как организатора контрреволюционного мятежа, а затем проведем изъятие.

23

Над монастырем протяжно и гулко разносится звон главного соборного колокола, призывая православных на воскресную литургию. По монастырскому двору, тяжело ступая и морщась при каждом шаге, идет игуменья Евфросиния, опираясь на свой настоятельский посох. Рядом с ней, но из уважения на полшага позади, вышагивает монахиня Феодора.

— Я сегодня, сестра Феодора, уснуть никак не могла всю ночь, — жалуется духовной сестре настоятельница.

— Что же, матушка, опять небось суставы ломило? — участливо вопрошает та.

— Да Бог с ними, с суставами, — со вздохом машет рукой мать Евфросиния, — о другом душа болит. Сама же знаешь, что сейчас творится. Монастыри закрывают, монахов разгоняют, а то еще хуже — убивают или в тюрьмы отправляют. Вот и думаю: нас-то что ждет?

— Да Бог с тобой, матушка, — всплеснула в страхе руками Феодора.

— То-то и оно, какой уж тут сон. Ворочалась, ворочалась, а потом решила: уж коли сна нет, так хоть помолюсь. Читаю молитвы и надеждой себя утешаю: Бог милостив, может, и минует сия чаша нашу обитель.

Матушка игуменья приостановилась и перекрестилась на купола собора, Феодора перекрестилась следом за настоятельницей. Игуменья повернулась к ней и почти шепотом проговорила:

— А под утро задремала да вижу сон, будто Ангелы Божьи с небес спускаются, а в руках венцы держат. Стала я Ангелов считать. Подходит ко мне убиенный отец Таврион и говорит: «Не трудись, матушка, напрасно, все уже давно подсчитано. Здесь ровно сорок четыре венца».

Проснулась и поняла, не минует сия чаша нашу обитель, ждет мученический венец всех.

— Свят, свят, свят, — закрестилась Феодора, в страхе глядя на игуменью, — так почему же сорок четыре, у нас же в монастыре вместе с вами сорок пять? Может, вам отец Таврион про сорок пять говорил?

— Нет, сестра Феодора, именно сорок четыре.

— Значит, кто-то из сестер избежит венца мученического, — тут же вставила слово казначея. В это время начался праздничный трезвон всех колоколов, и игуменья заспешила к собору.

24

На великом входе во время пения Херувимской матушка игуменья заплакала. Хор пел особенно умирительно. Звонкие девичьи голоса уносились под своды огромного собора и ниспадали оттуда на стоящих в храме людей благотворными искрами, зажигающими сердца молитвой и покаянием. Когда хор запел: «Яко да Царя всех подыдем», у входа в собор послышался какой-то неясный шум. Матушка игуменья прислушалась, потом обратилась к рядом стоящей монахини Феодоре:

— Узнай, сестра, что там происходит.

Феодора ушла, но вскоре вернулась бледная и дрожащим голосом поведала:

— Матушка настоятельница, там какие-то люди с оружием пытаются войти в собор, говорят, что будут изымать церковные ценности, а наши прихожане-мужики их не пускают, вот и шумят. Что благословите, матушка, делать?

— Ты слышала, мать Феодора, что провозглашал архидиакон перед Херувимскою песнью? Неверные должны покинуть храм.

— Но они, матушка, по-моему, настроены решительно и не захотят выходить, — испуганно возразила Феодора.

— Я тоже настроена решительно: не захотят добром, благословляю вышибить вон, а двери — на запор до конца литургии.

Матушка игуменья распрямилась, глаза ее гневно блеснули.

25

В притворе собора происходила давка. Со стороны входа в храм, через толпу прихожан, пытались пробраться представители комиссии по изъятию церковных ценностей. Мужики-прихожане напирали на них, пытаясь вытеснить незваных гостей. Впереди членов комиссии толкался подвыпивший матрос в бескозырке набекрень. Он больше всех кричал и суетился. Видя, что его усилия не приносят результата, он вынул из кармана револьвер и начал размахивать им над головой.

Феодора, заметив пистолет, активно заработала локтями, предпринимая отчаянную попытку пробраться к матросу. Наконец ей это удалось.

— Ты что это, ирод окаянный, с оружием в храм Божий лезешь?

— Именем революции, разойдись! — кричал матрос, не обращая внимания на Феодору, и, видя, что его угрозы мало чему помогают, выстрелил из револьвера в потолок храма.

Прихожане и члены комиссии шарахнулись в стороны от матроса, а монахиня, наоборот, с отчаянной решимостью кинулась к нему и вцепилась в его руку. Матрос, не ожидавший от монахини такой прыти, выронил револьвер.

Но другой рукой он сшиб с головы Феодоры монашеский клубок.

Феодора, отпустив матроса, нагнулась, чтобы поднять клубок. Матрос, вдохновленный этой маленькой победой, стянул с головы монахини еще и апостольник.

Феодора растерянно схватилась за голову руками. Ее растрепанные волосы рассыпались по плечам. Матрос, довольный, громко засмеялся. Монахиня, держась руками за простоволосую голову, вначале охала от стыда. Услышав смех матроса, повернулась к нему с гневным

выражением лица. Тот продолжал смеяться.

Феодора запустила руку под полу своей рясы, достала большую медную монастырскую печать и что есть силы ударила ею матроса по лицу.

Матрос упал. Толпа мужиков, вдохновленная этим подвигом матушки казначеи, дружно навалилась на членов комиссии и выдавила их из собора. Створки тяжелых дверей медленно, но уверенно стали сближаться между собой.

Наконец они закрылись, и тут же задвинулся тяжелый железный засов. В храме сразу водворилась тишина, нарушаемая лишь благостным пением хора.

26

На паперти собора члены комиссии губкома ожидают окончания службы. Кто-то сидит со скучающим видом. Кто-то разговаривает между собой. Два красноармейца, опершись на свои винтовки, курят в стороне самокрутки.

Суетится один только матрос, под глазом у него красуется синяк. Он подходит то к одному, то к другому члену комиссии:

— Чего мы тут ждем, принести динамиту и взорвать дверь.

— Зачем это? — лениво отвечает ему член комиссии. — Служба закончится, все сами выйдут.

— Чего нам ждать конца службы, — остервенело кидается матрос к другому члену комиссии.

— Чего ты нас напрягаешь, — зло отвечает тот, — вот подъедет ВЧК и пусть разбирается.

Но матрос не унимается:

— Какого хрена мы тогда здесь? Эй, солдатики, а ну подойди сюда. Давай, стучите в дверь прикладами, чтоб этим святошам тошно стало.

Красноармейцы стали нехотя стучать прикладами в двери собора. В это время на открытом легковом автомобиле подъехал Коган. Не выходя из автомобиля, он мрачно посмотрел на солдат, отвернулся и подозвал к себе одного из членов комиссии.

В это время заскрипел засов и двери собора стали открываться. В дверном проеме стояли монахини, а впереди сама игуменья. Постукивая посохом, она вышла на паперть собора и властно посмотрела на членов комиссии. Те, невольно заробев, расступились. Евфросиния стала спускаться по ступеням паперти. Внизу ее с наглой ухмылкой поджидал Коган. Игуменья, спустившись, остановилась перед Коганом, который перегородил ей дорогу.

— Решением губкома, — громко, так, чтоб все слышали, произнес Коган, — за саботаж декретам советской власти и открытое вооруженное сопротивление ваш монастырь закрывается. Все его имущество передается в руки законной власти рабочих и крестьян. Зачинщиков сопротивления приказано арестовать.

Настоятельница спокойно выслушала Когана и сказала:

— Наше оружие — молитва и крест. А зачинщица этого, как вы изволили выразиться, «вооруженного сопротивления», я одна, а больше никто не виноват.

— Мы сами разберемся, кто виноват, — криво улыбнулся Коган и, повернувшись к солдатам, приказал: — Арестовать ее и в машину.

Матушка игуменья повернулась к сестрам и поклонилась им в пояс:

— Простите меня, сестры, за то, что была строга с вами. Бдите и молитесь, Бог даст, скоро увидимся.

Послышались всхлипы и причитания монахинь. Монахиня Феодора решительно вышла из толпы и тоже поклонилась сестрам:

— Простите и меня, я с матушкой игуменьей пойду.

Красноармейцы вопросительно глядят на Когана.

— Ее, ее непременно надо арестовать, товарищ Коган, — закричал, подскакивая к Феодоре, матросик, — эта стерва всеми руководила, когда нас выталкивали из собора. Между прочим, мне самолично чем-то тяжелым двинула, чуть не убила. — При этих словах он указал на свой синяк.

Коган ухмыльнулся, глядя на подбитый глаз матроса, и распорядился:

— Эту тоже под арест.

Красноармейцы повели монахинь к машине. Игуменья повернулась к Феодоре и вполголоса спросила:

— Чем это ты, мать Феодора, бедолагу двинула?

— Да так, что под рукой было, — смущаясь, ответила Феодора.

— Что же у тебя под рукой было? — продолжала интересоваться игуменья.

— Наша монастырская печать, матушка, — ответила Феодора, — она же ох какая здоровая да тяжелая.

Настоятельница засмеялась:

— Значит, припечатала антихристу?

— Сподобилась, мать игуменья, — улыбнулась ей в ответ Феодора.

Конвоиры с недоумением переглянулись, видя, что монахини улыбаются.

27

Коган, постучавшись, вошел в кабинет секретаря губкома. Садовский, выйдя из-за стола, крепко пожал ему руку.

— Проходи, товарищ Коган, садись, есть к тебе вопросы. Я доложил в ЦИК, что работа по изъятию церковных ценностей прошла гладко. Но Владимир Ильич недоволен результатами. В ЦИКе считают, что мало ликвидировано контрреволюционного церковного элемента. Монастырь закрыли, а где монахини?

Коган устало присел к столу и, сняв кожаную фуражку, пригладил волосы рукой.

— В монастыре, товарищ Садовский, было сорок пять монахинь. Настоятельница и казначея арестованы, сидят у нас в подвале ЧК, мы их допрашиваем. Все остальные монахини разошлись на жительство в город по квартирам.

— По квартирам, говоришь? А вот теперь подумай, товарищ Коган, что эти оставшиеся сорок три монахини делают в миру? Я, например, ни на минуту не сомневаюсь, что они ведут контрреволюционную пропаганду среди неосознательного населения.

— Думаю, ты прав, товарищ Садовский, — опустив голову, сказал Коган. — Хотя мы пытаемся держать этот вопрос под контролем, но разве за всеми уследишь?

— Это верно, не уследишь. А ты еще подумай о том, товарищ Коган, чтобы их вообще в городе не было.

— Есть у меня мыслишка, как без особых хлопот уладить все это дело, — оживился Коган, ближе придвигаясь к столу, — могу поделиться.

— Нет, нет, товарищ Коган, не надо, — брезгливо поморщившись, замахал руками Садовский, — партия и так тебе доверяет. Действуй самостоятельно, а потом расскажешь. Считай это заданием партии, а уж каким методом ты его выполнишь — это не имеет значения.

28

Две монахини шли с базарной площади вдоль монастырской стены. Позади них понуриив голову плелся Степан с большой корзиной в руках. Поравнявшись с монастырскими воротами, монахини повернулись к ним и осенили себя крестным знаменем с поклоном. Когда они разогнулись от поклона, то с удивлением воззрились на нишу, где раньше висела икона Иверской Божьей Матери. Там теперь красовался красный плакат.

— «КТО НЕ РАБОТАЕТ - ТОТ НЕ ЕСТ!» - прочитала надпись на плакате монахиня, что была помоложе.

— Охальники, — проворчала пожилая монахиня, — это же слова святого апостола Павла.

— Может, они и Бога признают? — робко сказала молодая монахиня.

— Признают, жди, — сердито сказала пожилая и повернулась, чтобы идти.

Степан, взявшись было за корзину, как бы нехотя заметил монахиням:

— Там, на воротах, вроде какой-то листок.

— А ну-ка, Степка, побегни посмотри, чего там, — попросила одна из сестер.

Степан подбежал к воротам, прочитал листок и, обернувшись к монахиням, радостно замахал им рукой, приглашая подойти. Сестры заспешили к Степану.

— Матушки, тут объявление, о том, что монастырь вновь открывают.

— Мать Божия, — запричитали сестры, — читай, Степушка, читай вслух.

— «Сегодня в девятнадцать часов в трапезной монастыря состоится собрание всех монахинь, желающих открыть монастырь».

— Ой, батюшки, счастье-то какое, — всплеснула руками молодая монахиня, — прямо не верится.

— Никак Царица Небесная чудеса творит, — благоговейно перекрестилась пожилая монахиня,

— раз уж здесь написано, так оно и есть. Пойдем предупредим остальных. Ты беги, Степка, к матери Иоанне и Сусанне, а затем обойди Пелагию, Зою и Игнатию, ты знаешь, где они живут.

А уж там тебе и другие адреса дадут. Надо всех успеть предупредить.

И монахини, еще раз перекрестившись и обнявшись на радостях, разошлись.

29

В трапезной монастыря на составленных рядами скамьях сидели радостные и взволнованные монахини. Коган вошел бодрой походкой.

— Здравствуйте, гражданки монахини.

— Здравствуйте, — вразнобой отвечали сестры, вставая для приветствия навстречу Когану.

— Садитесь, садитесь, гражданки монахини. Все ли вы здесь собрались?

— Все, кроме матушки настоятельницы и сестры Феодоры, да еще послушница Валентина уехала к своим, в деревню, — ответила за всех регент хора монахиня Иоанна.

— Думаю, что с вашей настоятельницей и гражданкой Феодорой вы вскоре встретитесь, — обнадежил монахинь Коган.

Сестры обрадовано загомонили. А Коган подождал, когда наступит тишина, и продолжил:

— Советская власть решила вернуть вам монастырь, но вы также должны нам помочь.

— Чем помочь? Чем? — забеспокоились сестры.

— Успокойтесь, гражданки, это в ваших силах. Нужно выехать в одно село и поработать в поле на уборке урожая. Сами понимаете: Гражданская война, работников на полях не хватает. Ну, словом, все ли вы согласны?

— Согласны. Конечно согласны, — наперебой, радостно восклицали монахини. — А как же не согласиться. Нам лишь бы монастырь вернуть да снова Богу служить.

— Ну, вот и хорошо, — сказал, довольно потирая руки, Коган, — скоро придут подводы, и мы с вами поедем на пристань, а там — на барже по реке к селу. Прошу не расходиться. Можете здесь сидеть и молиться себе на здоровье.

Коган вышел из трапезной, за которой стояло двое красноармейцев с винтовками.

— Никого не выпускать до моего прихода, — приказал он и быстро зашагал к выходу.

Из-за дверей трапезной было слышно дружное и слаженное пение монахинь: «Царица моя Преплагая, надежда моя Богородице...»

30

Подводы с монахинями подъехали прямо на пристань, когда город погрузился в сумерки. Возле причала стояла старая деревянная баржа и буксирный катер. Монахини по трапу стали переходить на баржу.

Двое красноармейцев, Зубов с Брюхановым, направляли сестер к откинутому на палубе большому люку.

Монахини спускались по широкой и пологой лестнице прямо в трюм баржи. Брюханов освещал им путь фонариком.

В то время как монахини погружались в баржу, к пристани подбежал Степан. Красноармеец с винтовкой наперевес перегородил ему дорогу:

— Стой! Куда идешь? Не положено.

Степан отошел в сторонку и спрятался за ящики. Он достал бинокль и навел его на баржу. Увидев Когана и Зубова, вздрогнул и чуть не уронил бинокль.

Когда все сестры спустились в трюм, Зубов подвесил фонарик на крюк к потолку трюма и быстро вылез наверх.

Как только он оказался на палубе, крышку люка сразу же опустили. Зубов сверху навесил на люк большой амбарный замок и, закрыв его, отдал ключ Когану.

— Герметичность баржи проверили? — спросил Коган у Зубова.

— Какую еще герметичность? — удивленно переспросил тот.

Тут же он хлопнул себя по лбу.

— А, понятно. Все в полном ажуре.

Коган махнул рулевому-мотористу. Тот завел мотор катера и, стронув баржу с места, потащил ее вниз по течению.

31

Как только катер начал буксировать баржу от причала, Степан побежал к берегу, где стояла лодка.

Он вытащил из-под пирса спрятанные весла, отвязал лодку, оттолкнул от берега, запрыгивая в нее на ходу. Быстро вставив в уключины весла, Степан направил лодку в сторону удалявшегося катера.

32

В трюме баржи царил полумрак, так как фонарик был не в силах осветить все огромное пространство баржи. Сестры, сбившись в кучку, испуганно оглядывались кругом. В носовой части баржи на соломе они заметили двух женщин. Одна из них сидела, прижавшись к борту баржи, а другая лежала возле нее, постанывая.

— Кто вы? — в страхе полушепотом спросила одна из монахинь.

— Я ваша игуменья, сестры мои, — ответила сидевшая женщина.

Монахини с радостными криками кинулись к матушке настоятельнице.

— Тише, тише, сестры, мать Феодора умирает.

Услышав такое прискорбное известие, монахини заплакали.

— Сестры мои, не время сейчас плакать, а время молиться.

Повинуясь властному голосу игуменьи, сестры умолкли.

Вдруг одна из монахинь вскрикнула, а за ней еще несколько сестер.

— Вода, здесь проходит вода.

— И здесь, и здесь вода, мы все потонем!

— Матушка игуменья, что делать? Нам страшно.

— Молитва прогонит страх, не бойтесь, с нами Христос, — как можно ласковей произнесла игуменья, — сестра Иоанна, задавай тон, пропоём псалом «На реках Вавилонских».

Под сводами темного трюма раздалось благостное и жалостливое песнопение: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом...»

Песнопение преобразило сестер. И хотя по их лицам продолжали струиться слезы, это уже были слезы молитвенного умиления, а не страха.

33

Буксир, ритмично чавкая мотором, проследовал вдоль товарной пристани, и вскоре огни города скрылись за поворотом русла реки.

Коган курил на палубе папиросу, вглядываясь в темноту заросшего кустарником берега.

За штурвалом стоял тот самый матрос, что особо отличился при изъятии церковных ценностей. Синяк у него уже прошел, и он был исполнен гордости за оказанное ему доверие. Покосившись на Когана, матрос обратился к нему:

— А угостите-ка, товарищ комиссар, папиросочкой.

Не глядя на матроса, Коган достал портсигар и, щелкнув крышкой, протянул его. Матрос ловко подцепил папироску, на мгновение замешкался и подхватил вторую.

— Благодарствую за табачок.

Комиссар, ничего не отвечая, молча захлопнул крышку портсигара, сунул его в карман, продолжая в задумчивости смотреть на берег.

Матрос, попыхивая папироской, самодовольно поглядывал на Когана, как бы говоря: «Что бы вы без меня все делали?»

На палубе самой баржи сидели двое красноармейцев: Брюханов и Зубов, прислушиваясь к песнопению, доносящемуся из трюма.

— Чего они распелись? — недовольно проворчал Зубов.

— Пусть попоют напоследок, — сказал, зевая во весь рот, Брюханов.

Матрос убавил обороты двигателя и, повернувшись к Когану, почему-то шепотом, как будто их мог кто-нибудь услышать, сказал:

— Здесь, товарищ Коган, место хорошее, и глубокое и тихое.

— Здесь так здесь, — тоже почему-то шепотом ответил Коган, напряженно вглядываясь в темноту берега.

— Эй, на барже, — крикнул матрос красноармейцам, — бросай якоря и отдай концы буксира, сейчас возьмем вас на борт.

Красноармейцы скинули два якоря с палубы и отцепили буксирный трос.

Катер, освободившись от груза, легко и свободно развернулся и подошел к борту баржи.

Красноармейцы перебрались с баржи на буксир, и катер направился вверх по течению обратно в город.

34

Вода в трюме баржи поднималась все выше и выше. Монахини стояли уже по колено в воде.

— Давайте, сестры, пропоем панихиду, — произнесла каким-то отрешенным от всего земного голосом игуменья Евфросиния.

— По ком, матушка, будем петь панихиду? — спросила дрожащим голосом сестра Иоанна.

— По нам, дорогие мои сестры, по нам, — как будто в спокойной задумчивости произнесла настоятельница. И уже ласково, повернувшись к сестрам, сказала: — Не бойтесь, сестры мои, не бойтесь, мои дорогие невесты Христовы. Мы с вами идем к нашему Жениху, а Он идет к нам в полночи, чтоб увести нас туда, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная.

Водную гладь реки прочертила яркая лунная дорожка, проходя недалеко от одиноко стоящей посреди русла баржи. Степан что было сил греб веслами, направляя к ней лодку. А над водной гладью звучали печальные стихиры панихиды: «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...»

Все выше и выше поднималась вода в трюме баржи. Все отчаяннее и отчаяннее греб веслами Степан. Все звонче и звонче звучали голоса монахинь: «...восплачите о мне братие и друзи, сродницы и знаемии: вчерашний бо день беседовах с вами, и внезапно найде на мя страшный час смертный, но придите вси любящие мя, и целуйте мя последним целованием...»

35

Брезжил ранний рассвет. Степан видел, как баржа, затопленная уже наполовину, вдруг начала медленно крениться на один бок. Ясно, что ему не успеть, но Степан из последних отчаянных сил продолжает грести. С баржи до него доносятся слова песнопения: «Со святыми упокой, Господи, души усопших раб твоих...» Степан поднимает молитвенный взор к небу. «Боже Всемилостивый! Помоги, дай мне их спасти. Ну что Тебе стоит, Господи».

На небе собираются тучи, и начинает накрапывать дождик. Баржа все быстрее уходит под воду. Над водою разносится пение: «Вечная память, вечная память, вечная память...» Степан отчаянно бьет веслами по воде. Пения уже не слышно, баржа ушла под воду.

Степан подплывает к тому месту, где еще недавно стояла баржа, и некоторое время тупо смотрит на воду, которая вздымается большими пузырями. Затем скидывает с себя куртку, берет со дна лодки железный штырь и ныряет в воду. Он плывет под водой к затонувшей барже и пытается руками сорвать замок. Затем поддевает его железным штырем. Замок не поддается, и Степан в отчаянии бьет по замку и плывет назад. Вынырнув из воды, жадно вдыхает воздух и вновь с отчаянной решимостью ныряет.

Снова безрезультатная попытка. Он выныривает, и в это время русло реки на мгновение освещается молнией и раскат грома сотрясает небо и землю. И наступает великая тишина, через минуту сменяющаяся равномерным шумом дождя.

Природа плачет, плачет и Степан, направляя свою лодку к берегу. Выбравшись на сушу, он карабкается на крутой берег. Скользит по мокрой глине.

Так и не осилив подъема, в отчаянии бросается ничком на глинистый берег. Ему вспоминаются добрые лица монахинь и послушниц, и его пальцы судорожно сжимаются в кулаки, загребая в ладони размываемую ливнем илистую грязь. Он подтягивает ноги к животу, становится на колени и воздевает кулаки с жидкой грязью к небу. Затем размазывает глину по лицу.

Он поднимает глаза к небу, и струи дождя, смешиваясь со слезами, омывают перекошенное страданием лицо юноши.

36

Утренний лес, умытый грозой, был наполнен веселым щебетом птиц. Степан сидел на берегу, уронив голову на руки. Казалось, что он дремлет. Но вот он поднял голову и увидел радугу, перекинутую через реку, словно огромный разноцветный мост. Степан стал на колени и прошептал: «Прости меня, Господи, дай же быть с Тобою до конца и не поколебаться в тот час, когда Ты мне пошлешь испытание моей веры». Он встал, осмотрелся кругом, увидев лесные цветы, сорвал их и пошел к своей лодке.

Подплыв к тому месту, где была затоплена баржа, Степан положил на воду цветы, перекрестился и, взяв в руки весла, в глубокой задумчивости стал равномерно и ритмично грести, направляя лодку против течения. В душе его зазвучало торжественное покаянное песнопение. А на воде сиротливо покачивались лесные цветы.

37

Во двор Иверского монастыря въехал автомобиль. Из него вышел Коган и бодрой походкой направился к одному из зданий.

В бывшем кабинете игуменьи сидел Крутов. На столе стояла бутылка с водкой и соленые огурцы и помидоры в глиняной миске. Он играл на гармонии и пел унылую песню:

Ах, барин, барин, скоро святки,
А ей не быть уже моей.
Богатый выбрал, да постылый,

Ей не видать отрадных дней...

Зашел Коган, увидев эту картину, укоризненно покачал головой:

— Что же ты, товарищ Крутов, какой пример своим бойцам показываешь?

— Я в бою пример показываю, — и он потянулся к бутылке, — врагов революции били и будем бить, а выпить русскому человеку иногда очень нужно. — Он плеснул себе в стакан, выпил и безнадежно махнул рукой. — Впрочем, тебе, Илья Соломонович, этого не понять.

— Некоторые вещи, товарищ Крутов, мне действительно трудно понять, но давай перейдем к делу. Завтра рано утром выступаем, так что готовь отряд.

— Ну наконец-то, — обрадованно воскликнул Крутов, — а то я уж начал опасаться, что гражданскую войну без нас закончат.

— На наш век, товарищ Крутов, буржуев хватит, — усмехнулся Коган, — в России с ними покончим, за мировую революцию пойдем воевать. А пока нам необходимо выполнить директиву губкома и провести продразверстку в селе Покровка. Сам понимаешь, что на голодный желудок не повоюешь.

— Скажи ты мне по старой дружбе, дорогой Илья Соломонович, — с видимым недовольством и иронией обратился Крутов к комиссару, — какой же такой умник догадался на боевом скакуне землю пахать? У нас на Дону для пахоты быков запрягали, а резвых скакунов для ратного дела берегли. Что, кроме меня, некого посылать?

— Ну чего ты опять в трубу лезешь. Решение принималось коллегией губкома, а не единолично. Думаешь, мне охота с мужичьем возиться. Между прочим, в Тамбовской губернии крестьяне весь отряд продразверстки перебили. Да уже не один такой случай. Так что сам думай, не на прогулку идем, считай, что это тоже война.

38

В храме села Покровка заканчивалось крещенское богослужение, когда в городе начал свои сборы отряд продразверстки.

Коган вынул револьвер и, провернув барабан и убедившись, что все патроны на месте, снова сунул его в кобуру.

В это время Степан, облаченный в стихарь, вынес из алтаря запрестольный крест и подал его одному из прихожан.

Крутов, полюбовавшись своей саблей и попробовав большим пальцем ее остроту, самодовольно вложил опять в ножны.

Степан вынес из алтаря запрестольный образ Божией Матери и передал его другому мужику.

Брюханов примкнул штык-нож к винтовке и повесил ее за плечо.

Один из мужиков в храме подошел, вынул из гнезда древко хоругви и с благоговением встал с нею перед солеей, ожидая начала крестного хода.

В это же время Зубов, поиграв в руке ножом, сложил его и сунул в карман шинели.

Второй прихожанин прошел и, взяв другую хоругвь, встал в паре рядом с первым.

— По коням! — скомандовал Крутов и, вставив ногу в стремя, вскочил на своего коня.

Отец Петр вышел на амвон и осенил прихожан крестом.

— Ну, с Богом, православные, на Иордань. — И сразу же затянул: — «Глас Господень на водах

вопиет...»

Хор подхватил песнопение, и вся процессия двинулась из храма к выходу.

Из распахнутых ворот разоренного женского монастыря выехал отряд подразверстки во главе с Крутовым. Он восседал на высоком кавалерийском коне. На голове его красовалась перевязанная красной лентой каракулевая шапка, лихо заломленная на затылок. Щегольской овчинный полушубок был препоясан кожаной португеей. На правом боку болталась увесистая деревянная кобура с маузером, на левом — сабля.

Красноармейцы в буденновках и шинелях, с винтовками за плечами, хмуро ехали на санях, ежась от мороза. На передних санях развалился сам Коган. Из-под пенсне, посаженного на крупный с горбинкой нос, поблескивал настороженный взгляд темно-серых, слегка выпуклых глаз. Закутанный в долгополый тулуп, комиссар напоминал нахохлившуюся хищную птицу.

Двери Покровского храма распахнулись, и из них вышел крестный ход. Мужики несли запрестольные образа и хоругви. За хором шел отец Петр, широко улыбаясь. На нем сверкала нарядная белая риза. В руках он держал напрестольный крест и Евангелие. Рядом с ним шел Степан, одетый в белый стихарь, нес кадило и требник. За батюшкой шел весь народ, бабы — с ведрами и бидонами.

39

Отец Петр встал коленями на половичок, посланный у самого края проруби, вырубленной во льду в виде креста. Вода уже успела затянуться тонкой корочкой льда. Священник погрузил в прорубь большой медный напрестольный крест, проломив им корочку льда, и запел тропарь Крещения. Хор сразу подхватил пение тропаря. Один из мужиков бережно вынул из-за пазухи белого голубя и подбросил его вверх. Голубь закружился над речкой. Народ, задрав головы, с восторгом наблюдал за полетом птицы.

40

Степан зачерпнул из проруби крещенскую воду небольшой медной водосвятной чашей. Взял кропило отец Петр, щедро окропил народ крещенской водой, и крестный ход направился в село. Бабы, весело поругиваясь и толкая друг друга, начали черпать ведрами и бидонами воду из проруби. Невдалеке, ниже по течению, еще одна прорубь, для купания. Около этой проруби толпился и стар и мал. Смех, шутки, радостные крики. Люди по очереди окунались в прорубь. Перед тем как окунуться — крестились. Выходя из воды, накидывали полушубки и выпивали по чарке. Степан тоже был среди купающихся.

41

В просторной горнице в доме отца Петра его жена, матушка Авдотья, вместе с солдатской вдовой Нюркой Востроглазовой делали последние приготовления к праздничной трапезе. Нюрка хлопотала у печи, вытаскивая оттуда пироги, ставила их на стол. Матушка Авдотья накрывала стол разносолами, когда в сенях послышался шум и схлопывание полушубков от снега. Дверь в избу распахнулась, и появился отец Петр с мужиками: Никифором, Кондратом и Савватием, все запорошенные снегом. Отец Петр скинул на лавку полушубок и тут же, запев тропарь Крещению, пошел кропить всю избу крещенской водой. Затем благословил трапезу, и все, рассевшись возле стола, принялись за еду. В это время пришел Степан, перекрестился на образа и присел на скамью у края стола.

— Никак вижу, Степка, ты тоже в прорубь окунался? А ведь хвораешь, и туда же, в холодную воду лезешь, — сердито покосился на него отец Петр.

— Так потому и лезу, батюшка, что хвораю, — улыбнулся Степан, — в Иордане-то святом и

надеюсь вылечиться.

— Блажен ты, коли так веруешь, — уже примирительно сказал отец Петр.

Вначале все молча вкушали пищу, но после двух-трех здравниц завели оживленную беседу. Никифор мрачно молвил:

— Слышал я, у красных их главный, Лениным вроде кличут, объявил продразверстку, так она у них называется.

— Что это такое? — заинтересовались мужики.

— «Прод» — означает продукты, ну, знамо дело, что самый главный продукт — это хлеб, вот они его и будут «разверстывать», в городах-то жрать нечего.

— Что значит «разверстывать»? — взволновались мужики, нутром чувствуя в этом слове уже что-то угрожающее.

— Означает это, что весь хлебушек у мужиков отнимать будут.

— А если я, к примеру, не захочу отдавать? — горячился Савватий. — У самого семеро по лавкам — чем кормить буду? Семенным хлебом, что ли? А чем тогда весной сеять?

— Да тебя и не спросят, хочешь или не хочешь, семенной заберут, все подчистую, — тяжело вздохнул Никифор. — Против рожна не попрешь, они с оружием.

— Спрятать хлеб, — понизив голос, предложил Кондрат.

— Потому и «разверстка», что развернут твои половицы, залезут в погреба, вскопают амбары, а найдут припрятанное — и расстреляют, у них за этим дело не станет.

— Сегодня-то вряд ли они приедут — праздник, а завтра надо все же спрятать хлеб, — убежденно возразил Савватий.

— Это для нас праздник, а для них, супостатов, праздник — это когда можно пограбить да поозоровать над православным людом. Но сегодня, думаю, вряд ли, вон метель какая играет, — подытожил встревоживший мужиков разговор Никифор.

Тихо сидевшая до этого матушка Авдотья всхлипнула и жалобно проговорила:

— От них, иродов безбожных, всего можно ожидать, говорят, что в первую очередь монахов да священников убивают, а куда я с девятью детишками мал мала меньше? — Матушка снова всхлипнула.

— Да вы посмотрите только на нее, уже живьем хоронит, — осерчал отец Петр. — Ну что ты выдумываешь, я в их революцию, что ли, лезу? Службу правлю по уставу — вот и всех делов. Они же тоже, чай, люди неглупые.

— Ой, батюшка, не скажи, — вступила в разговор просфорница, солдатская вдова Нюрка Востроглазова. — Давеча странница одна у меня ночевала да такую страсть рассказала, что не приведи Господи.

Все сидевшие за столом повернулись к ней послушать, что за страсть такая. Ободренная таким вниманием, Нюрка продолжала:

— В соседней губернии, в Царицынском уезде, есть село названием Цаца. Конница красных туда скачет, батюшке и говорят: «Беги, отче, не ровен час до беды». А он отвечает: «Стар я от врагов Божьих бегать, да и власы главы моей седой все изочтены Господом. Если будет Его святая воля, пострадаю».

— И что? — чуть не шепотом спросил Савватий.

— Да что еще, — как бы удивилась вопросу Нюрка, — зарубили батюшку, ироды окаянные, сабелькой зарубили, вот.

— Страшная кончина, — сокрушенно вздохнул отец Петр и перекрестился. — Не приведи Господи.

Степка, тоже перекрестившись, прошептал:

— Блаженная кончина, — и, задумавшись, закрутил, вспоминая свое детство.

42

Шестилетний Степа сидит рядом с мамой на диване в просторной и уютной гостиной. Мама

читает Степке жития святых мучеников. Невдалеке от них в большом глубоком кресле отец просматривает газету.

— ...И тогда привели их и поставили перед царем... — читает мама, а Степка с замиранием сердца слушает ее, боясь пропустить хоть одно слово, — и царь, — продолжает мама, — спросил их: «Неужели вы даже перед страхом смерти не хотите принести жертвы нашим богам?» Отвечали святые мученики царю: «Те, которых ты называешь богами, вовсе не боги; мы же верим только Господу нашему Иисусу Христу и Ему Единому поклоняемся». Рассердился нечестивый царь и велел предать их лютой смерти.

— Мама, — шепчет ей Степа, — а давай тоже пойдем к царю и скажем ему, что мы «христиане», пусть мучает.

— Глупенький ты мой, — смеётся мама, — наш император сам христианин и царствует на страх врагам Божьим. Мученики были давно, сейчас их нет.

— Вот как, — разочарованно протягивает Степка, — это не очень интересно, так жить.

— Ну что ты, Степа, — говорит ласково мама, — и сейчас можно совершать подвиги во имя Христа. Например, как преподобные отцы. Давай я тебе почитаю про старца Серафима, как к нему приходил медведь, а он его кормил.

43

Очнувшись от своих воспоминаний, Степан встал из-за стола, помолился на образа и подошел к отцу Петру под благословение.

— Благослови, батюшка, пойти в алтарь прибраться.

— Иди, Степка, да к службе все подготовь. Завтра Собор Иоанна Предтечи. — Когда Степан вышел, отец Петр, вздохнув, сказал: — Понятливый юноша, на святках девятнадцать исполнилось, а уж натерпелся всего, не дай Бог никому.

44

Мохнатые высокие ели нависали над зимней дорогой тяжелыми от снега лапами. По этой лесной просеке довольно скоро двигался санный поезд продотряда.

Крутов поравнялся с санями комиссара и весело крикнул:

— Ну, Илья Соломонович, терпи, уже недалеко осталось. Вон за тем холмом село. Как прибудем, надо праздничек отметить: здесь хорошую бражку гонят, а с утречка соберем хлебушек — и домой.

— Пока ты, товарищ Крутов, праздники поповские будешь отмечать, эти скоты до утра весь хлеб попрячут, ищи потом, — сердито сказал Коган и, помолчав, добавил: — Надо проявить революционную бдительность, контра не дремлет.

— Да какие они контра? — засмеялся Крутов. — Мужики простые, пару раз с маузера пальну — весь хлеб соберу.

— В этом видна, товарищ Крутов, твоя политическая близорукость, — брезгливо сказал Коган, исподлобья глядя на Крутова, — эти, как ты изволил выразиться, простые мужики — прежде всего собственники, с ними коммунизма не построишь.

— А без них в построенном коммунизме с голоду сохнешь, — громко загоготал Крутов.

— Думай, что говоришь, товарищ Крутов, — обиделся Коган, — с такими разговорами тебе с партией не по пути.

— Да я так, Илья Соломонович, холодно, вот и выпить хочется, а с конторой разберемся, у нас не забалуешь. Ты мне задачу означь, и будет все как надо, комар носу не подточит, — уже примирительно сказал Крутов.

— Я тебе говорил, товарищ Крутов, наш главный козырь — внезапность, — все еще раздраженный на Крутова за его смех, поучал Коган, не замечая ироничного взгляда Крутова, — разбейте бойцов на группы по три человека к каждому сани, как въезжаем в село, сразу по

амбарам — забирайте все подряд, пока они не успели опомниться.

— А по сколько им на рот оставлять? — поинтересовался Крутов.

— Ничего не оставлять, — сердито буркнул Коган, — у них все равно где-нибудь запас припрятан, не такие они простые, как вы думаете. А пролетариат, между прочим — движущая сила революции, — голодает, вот о чем надо думать.

45

Степан поднялся на колокольню, с которой открывалась прекрасная сельская панорама. Он взял в руки бинокль, погладил ладонью его черный корпус, поднес к глазам и стал наводить резкость. Рука его дрогнула, когда в окуляре бинокля замаячили остроконечные буденновки всадников.

— Продразверстка! — прошептал в волнении Степан и заметался по колокольне, не зная, что предпринять.

Вначале он ринулся было бежать вниз предупредить, но потом остановился, задумавшись. Поднял глаза к колоколам. Поколебавшись немного, Степан взялся за веревку языка самого большого колокола и перекрестился.

46

Отряд продразверстки уже выезжал из леса, когда вдали послышались удары колокола.

— Набатов бьет, — заметил, прислушиваясь, Крутов, — это не к службе, что-то у них стряслось, пожар, может?

— Да нет, думаю, это ваши «простые мужики» о нашем приближении предупреждают, контра, — зло сказал Коган, — только как они нас издали увидели? Распорядитесь, товарищ Крутов, ускорить продвижение.

47

Степан, увидев с колокольни, как народ сбегается к церкви, перестал звонить и сам устремился вниз. Выбрав из дверей храма, он нос к носу столкнулся с отцом Петром, бежавшим с мужиками к церкви.

— Ты что, Степка, — кричит задыхающийся от быстрого бега отец Петр, — белены объелся?

— Там красные едут, на конях с повозками. Продразверстка. Я сам в бинокль видел.

Сельчане, окружив отца Петра и Степана, выслушали и стали галдеть.

— Тише вы, — прикрикнул на них Никифор, затем, потерев бороду, как бы что-то обдумывая, решительно сказал: — Значит, так, мужики, хлеб — в сани, сколько успеете, — и дуйте за кривую балку к лесу, там схороним до времени.

48

Стон и плач стояли над селом. Красноармейцы врывались на крестьянские дворы. И вскоре выводили оттуда мужиков, под страхом оружия несущих мешки с хлебом. Бабы с истошными воплями выбегали следом с детишками: «Да что же вы творите. Мы же с голодудохнем. Ироды окаянные».

В сторонке стоял Коган, в мрачном расположении духа наблюдая эту картину.

— Звоняра посадили под замок? — обратился он к одному из солдат.

— Так точно, — живо отвечал тот, — сидит и поп вместе с ним.

В это время к Когану подлетел на взмыленном коне Крутов и весело крикнул:

— Ну, Илья Соломонович, вот теперь гуляем и отдыхаем.

— Да ты что, товарищ Крутов, издеваешься, под ревтрибунал захотел?! Сорвано задание

партии: хлеба наскребли только на одни сани.

— А ты не горячись, товарищ Коган, раньше времени. Договорить не дал. Нашел я весь хлеб, за оврагом он. Надо звонарю спасибо сказать, своим звоном он помог хлеб в одном месте собрать, — задорно захохотал Крутов.

— Кому спасибо сказать — разберемся, а сейчас вели хлеб привезти, и под охрану. Как это тебе так быстро удалось? — уже примирительным тоном закончил Коган.

— Товарищ маузер помог, — с самодовольством похлопал Крутов по своей кобуре, — кое- кому сунул его под нос, и дело в шляпе.

49

В просторной крестьянской горнице за столом, уставленным закусками, сидят Крутов и Коган. Комиссар молча ест курицу. Крутов полупрезрительно поглядывает на него и наливает себе из четверти полстакана самогона. Опрокинув в рот стопку, похрустев огурчиком, он равнодушно спрашивает:

— Попа с монашенком отпустим или в расход?

Коган тщательно обсосал куриную косточку и, отбросив ее в глиняную миску, не спеша вытер руки полотенцем.

— Этот случай нам на руку, — задумчиво, как бы не обращаясь ни к кому, произнес он вполголоса, — надо темные крестьянские массы от религиозного дурмана освободить. Прикажи-ка привести попа, будем разъяснительную работу проводить, — сказал он, обращаясь уже конкретно к Крутову.

— Кравчук, — крикнул тот, не сходя с места, — веди сюда попа.

Дверь в избу приоткрылась, и заглянула вихрастая голова красноармейца:

— Щас, товарищ командир, тилько хвалыночку погодьте, приведу гада.

50

В избу вталкивают отца Петра. Тот крестится на угол с образами и вопросительно глядит на Крутова. Коган, прищутив глаза, презрительно разглядывает священника. Петр снова крестится и переводит взгляд на Когана.

— Мы вас не молиться сюда позвали, — с ехидством замечает Коган, — а сообщить вам, что саботажников декрета советской власти о продразверстке мы расстреливаем на месте без суда и следствия.

— Господи, — испуганно сказал Петр, — да разве я саботажник? Степка — он по молодости, по глупости, а так никто и не помышлял против. Мы только Божью службу правим, ни во что не вмешиваемся.

— Оправдания нам ни к чему, — отваливаясь к стене, небрежно произнес Коган, — вы можете спасти себя только конкретным делом.

— Готов, готов искупить вину, — действительно с большой готовностью воскликнул Петр и растерянно улыбнулся.

— Вот-вот, искупите. Мы соберем сход, и вы и ваш молодой помощник пред всем народом откажетесь от веры в Бога и признаетесь людям в преднамеренном обмане, который вы совершали под нажимом царизма. Ну а теперь, мол, когда советская власть дала всем свободу, вы не намерены дальше обманывать народ. Словом, что-то в этом роде.

— Да как же так? Это невозможно, это немисливо. — Отец Петр повернулся к Крутову, как бы ища у него поддержки и осуждения немисливой просьбы.

— Вот вы идите и помыслите, через полчаса дадите ответ, — спокойно сказал комиссар Коган.

А Крутов пьяно расхохотался:

— Иди, поп, да думай быстрее! А то тебя комиссар шлепнет, и твою попадью, и вообще всех в расход.

При этих словах Коган неодобрительно посмотрел на Крутова и поморщился.

— Помилуйте, а их-то за что? — испуганно воскликнул отец Петр.

— Как это за что? А как ваших пособников, — наклоняясь вперед над столом, негромко, но отчетливо произнес Коган, глядя прямо в глаза Петру.

Тот с ужасом поглядел в колючие глаза комиссара и упавшим голосом произнес:

— Я согласен.

— А ваш юный помощник? — не унимался Коган.

— А, Степка. Он послушный, как я благословлю, так и будет.

51

В просторном дровянике сарая у поленницы дров стоял Степан и молился. Вскоре открылась дверь, и в нее втолкнули отца Петра. Степан оглянулся на него с вопросительным взглядом. Но отец Петр, ошарашенный и подавленный случившимся, даже не посмотрел на Степана, молча прошел, сел на большой чурбан и обхватил голову руками. Степан какое-то время смотрел на отца Петра, а потом отвернулся и вновь начал молиться.

«Господи, — думал отец Петр, — что же мне делать? Ведь Ты же сам говорил: кто отречется от Меня перед людьми, от того и Я отрекусь перед Отцом Моим Небесным. Но как же тогда апостол Петр? Ведь он тоже трижды отрекся от Тебя, а затем раскаялся. А если я, как уедут эти супостаты, покаюсь перед Тобою и народом? Что тогда? Ведь Ты милостивый, Ты простишь меня? А то как же я матушку одну с детишками оставлю? А ведь могут и их тоже... того. Нет, нет, я не имею права распоряжаться их жизнями. Да, вот именно не имею. Ты слышишь, Господи, вопль моей души? Нет, Ты не слышишь. Или я не слышу Тебя?»

В это время дверь в сарай открылась и, заглянув в нее, красноармеец Кравчук крикнул:

— А ну, контра, выходи оба.

52

Возле большой избы с высоким крыльцом толпился народ.

— Товарищи крестьяне! — громко вещал с крыльца избы Коган. — Сегодня вы протянули руку помощи голодающему пролетариату, а завтра пролетариат протянет руку трудовому крестьянству. Этот союз рабочих и крестьян не разрушить никаким проискам империализма, который опирается в своей борьбе со светлым будущим на невежество и религиозные предрассудки народных масс. Но советская власть намерена решительно покончить с религиозным дурманом, этим родом сивухи, отравляющим сознание трудящихся и закрывающим им дорогу к светлому царству коммунизма.

В это время Кравчук подвел к крыльцу отца Петра и Степана. Их тоже поставили на крыльцо позади комиссара. Коган, указывая на отца Петра, продолжал:

— Вот и ваш священник Петр Трегубов — человек свободомыслящий и потому более не желающий жить в разладе со своим разумом и совестью. А совесть и разум подсказывают ему, что Бога нет, а есть лишь эксплуататоры епископы во главе с главным контрреволюционером — патриархом Тихоном. Об этом он сейчас вам и сам скажет.

Мужики слушали оратора понуриив головы, но услышав фразу, что «Бога нет», встрепенулись и с недоумением воззрились на оратора, а затем с интересом перевели взгляд на священника. Петр, подталкиваемый Коганом, выступил вперед и, не поднимая глаз, негромко проговорил:

— Простите меня, братья и сестры, Бога нет, и я больше не могу вас обманывать. — Потом он вдруг, подняв глаза, надрывно прокричал: — Не могу, вы понимаете, не могу!

Ропот возмущения прокатился по толпе. Вперед, отстраняя Петра, снова вышел Коган.

— Вы должны понять, товарищи, как трудно это признание досталось Петру Аркадьевичу, бывшему вашему священнику. Он мне сам признавался, что думал об этом уже давно, но не знал, как вы к этому отнесетесь.

— А чего там не знать, — крикнул кто-то из толпы, — так же, как и к Иуде!

Коган сделал вид, что не расслышал выкрика, и продолжил:

— Вот и молодой церковнослужитель Степан думает так же. И это закономерно, товарищи: им, молодым, жить при коммунизме, где нет места церковному ханжеству и религиозному невежеству.

При этих словах он подтолкнул побледневшего Степана вперед.

— Ну, молодой человек, скажите народу слово.

Отец Петр, как бы очнувшись, понял, что он не подготовил Степана, потому, подойдя к нему сбоку, шепнул:

— Степка, отрекайся, а то расстреляют. Ты еще молодой, потом на исповеди покаешься, я дам разрешительную.

Степан повернулся к нему. На Петра смотрели ясные и удивленные глаза. Но тут же удивление сменилось скорбью и немым укором.

— Вы уже, Петр Аркадьевич, ничего не сможете мне дать, а вот Господь может дать венец нетленный, разве я могу отказаться от такого бесценного дара?

Повернувшись к народу, Степан посмотрел на притихшую толпу крестьян. А затем твердым и спокойным голосом сказал, осеняя себя крестным знамением:

— Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз...

Лицо Когана при этих словах болезненно перекопилось, точно так же, как тогда, в монастыре, после слов исповедания отца Тавриона, и он, переходя на визг, закричал:

— Саботаж. Митинг закончен, расходитесь! — И для убедительности, выхватив из кармана револьвер, выстрелил два раза в воздух.

53

Взбешенный Коган вошел в горницу и, подойдя к столу, налил полстакана самогонки. Тяжело вздохнув и злобно посмотрев на иконы, висевшие в углу избы, залпом выпил и, поморщившись, обессиленно сел к столу.

— Ого! — удивленно воскликнул Крутов. — Ты, Илья Соломонович, так и пить научишься по-нашему.

— Молчать! — вскричал в бешенстве Коган.

— Но-но, — с угрозой в голосе проговорил Крутов, — мы не в царской армии, а ты не унтер-офицер. Хочешь, я шлепну этого сопляка, чтоб другим неповадно было? А оскорблять себя не позволю.

— Прости, погорячился, — примирительно сказал Коган. — А шлепать пока никого не надо. Теперь как раз нельзя из него мученика за веру делать. Надо бы сломить его упрямство, заставить, гаденыша, отречься. Это главная идеологическая задача на данный момент.

— А чего тут голову ломать?! В прорубь этого кутенка пару раз обмакнуть, поостынет кровь молодая, горячая — и залопочет. Не то что от Бога — от всех святых откажется.

— Хорошая мысль, товарищ Крутов, — обрадовался Коган. — Так говоришь, сегодня у них праздник Крещения? Хм, хорошая мысль, — повторил он как бы для себя. — У них свое Крещение, а мы устроим наше, красное крещение. Возьми, Крутов, двух красноармейцев понадежней, забирайте щенка — и на реку.

— Ну уж нет, в бою никому не уступлю, — усмехнулся Крутов, — а с юнцами да попами воевать — это не для меня.

— Да ты, товарищ Крутов, не понимаешь всей важности идеологической борьбы.

— Не понимаю, — признался он с ухмылкой, — потому комиссар не я, а ты, товарищ Коган.

54

Петр зашел в избу с видом побитой собаки и, пройдя по горнице, сел у стола на свое место в красном углу. Он ощущал странную опустошенность, как будто в душе его образовалась холодная темная пропасть. Матушка подошла и молча поставила перед ним хлеб и миску со щами. Он как-то жалостливо, словно ища поддержки, глянул на нее, но супруга сразу отвернулась и, подойдя к печи, стала сердито греметь котелками. Дети тоже не поднимали на него глаз. Младшие забрались на полати, старшие сидели на лавке, уткнувшись в книгу. Четырехлетний Ванятка ринулся было к отцу, но тринадцатилетняя Анютка перехватила его за руку и, испуганно оглянувшись на отца, увела малыша в другую комнату.

Отцу Петру до отчаяния стало тоскливо и неуютно в доме. Захотелось разорвать это молчание, пусть через скандал. Он вдруг осознал, что затаенно ждал от матушки упреков и укоров — тогда бы он смог оправдаться и все бы разъяснилось, его бы поняли, пожалели и простили, если не сейчас, то немного погодя. Но матушка молчала, а сам отец Петр не находил сил, чтобы заговорить первым, он словно онемел в своем отчаянии и горе. Наконец молчание стало невыносимо громким, оно стучало, словно огромный молот по сознанию и сердцу.

Отец Петр поерзал на лавке, словно ему было неудобно сидеть, а затем встал, вышел из-за стола и бухнулся на колени перед женой: — Простите меня, Христа ради...

Матушка обернулась к нему, ее взгляд, затуманенный слезами, выражал не гнев, не упрек, а лишь немой вопрос: «Как нам жить дальше?»

Увидев эти глаза, отец Петр почувствовал, что не может находиться в бездействии, надо куда-то бежать, что-то делать. И еще не зная, куда бежать и что делать, он решительно накинул полушубок и выбежал из дома.

55

Ноги понесли Петра прямо через огороды к реке, туда, где сегодня до ранней зорьки он совершал Великое освящение воды. Дойдя до камышовых зарослей, Петр не стал их обходить, а пошел напрямую, ломая сухой камыш и утопая в глубоком снегу. Но, не дойдя до речки, вдруг сел прямо на снег и затосковал, причитая:

— Господи, почто Ты меня оставил? Ты ведь вся веши, Ты веши, яко люблю Тя? — Славянский язык Евангелия ему представлялся единственно возможным для выражения своих поверженных чувств.

Крупные слезы текли из глаз Петра и терялись бесследно в густой, темной с проседью бороде. Наконец он встал и стал пробираться к реке. Выйдя из камыша, он остановился, стал присматриваться и прислушиваться. Яркий месяц и крупные январские звезды освещали мягким голубым светом серебристую гладь замерзшей реки. Вырубленный крест уже успел затянуться тонким ледком, припорошенным снегом, только в его основании зияла темная прорубь около метра в диаметре. Около проруби копошились люди. Петр пригляделся и увидел двух красноармейцев в длинных шинелях, держащих голого человека со связанными руками, а рядом на принесенной коряге сидел еще один, в овчинном тулупе, и попыхивал папироской. Человек в тулупе махнул рукой, и двое красноармейцев стали за веревки опускать голого человека, в котором Петр узнал Степку.

— Ах ты! — вырвался у Петра возглас удивления и ужаса.

56

Около проруби на принесенной с берега коряге сидел Коган. Он зябко кутался в тулуп. Перед ним стоял раздетый Степан со связанными руками. С головы юноши стекала вода. По бокам, поддерживая его, стояли Брюханов и Зубов. Коган махнул рукой, и красноармейцы вновь стали медленно на веревках опускать Степана в прорубь. Подержав немного в воде, они, снова

вытащив, поставили Степана перед Коганом.

— Ну, будешь отрекаться сейчас или тебе еще не хватает аргументов? Так вот они. — И Коган указал рукой на прорубь.

Степана трясла мелкая дрожь. Но он, кое-как совладав с собой, отрицательно замотал головой.

— Да что мы с ним возимся? Товарищ комиссар, — нудно-просительным голосом заскулил Зубов. — Под лед его на корм рыбам, и всех делов.

— Нельзя под лед, Зубов, нельзя, — Коган поднял указательный палец вверх, — людей надо перевоспитывать, иногда и такими методами.

— Да хрен перевоспитаешь этих фанатиков, только мерзнем тут из-за них, — зло проговорил Брюханов и заорал на Степана: — Ты че, гад ползучий, контра, издеваешься над нами?! — При этих словах он с размаху ударил Степана в лицо кулаком, у того пошла кровь из носа.

— Господи, — негромко сказал Степан, — прости им, не ведают, что творят.

— Чего? Чего он там лопочет? Не слышу, — наклонил к Степану ухо Зубов.

— Это он у тебя прощения просит, — засмеялся Коган, — за то, что издевается над тобой. Так что ты уж, Зубов, прости его, пожалуйста.

57

Холодная пропасть в душе отца Петра при виде Степана стала заполняться горячей жалостью к страдальцу.

Хотелось бежать к нему, что-то делать, как-то помочь. Но что он может против троих вооруженных людей? Безысходное отчаянье заполнило сердце отца Петра.

Петр обхватил голову руками и тихо заскулил, словно пес бездомный, а потом нечеловеческий крик, скорее похожий на вой, вырвался у него из груди, унося к небу великую скорбь за Степана, за матушку и детей, за себя и за всех гонимых страдальцев земли Русской. Этот вой был настолько ужасен, что вряд ли какой дикий зверь мог бы выразить голосом столько печали и отчаянья.

Мучители вздрогнули и в замешательстве повернулись к берегу, Коган выхватил револьвер, Брюханов передернул затвор винтовки. Вслед за воем раздался вопль:

— Ироды проклятые, отпустите его, отпустите безвинную душу.

Тут красноармейцы разглядели возле камышей отца Петра.

— Фу, гадина, как напугал, — облегченно вздохнул Зубов и тут же зло заорал: — Ну погоди, поповская рожа! — и устремился к Петру.

Брюханов, схватив винтовку, побежал в обход, стараясь отрезать Петру путь к отступлению. Отец Петр побежал на лед, но, поскользнувшись, упал, тут же вскочил и кинулся сначала вправо и чуть не наткнулся на Зубова, развернулся влево — а там Брюханов. Тогда отец Петр заметался, как затравленный зверь, это рассмешило преследователей. Зубов весело закричал:

— Ату его!

И, покатываясь со смеху, они остановились. Зубов, выхватил нож и поигрывая им, стал медленно надвигаться на отца Петра. Тот стоял в оцепенении.

— Сейчас мы тебя, товарищ попик, покроем на мелкие кусочки и пошлем их твоей попадье на поминки.

Отцу Петру вдруг пришла неожиданно отчаянная мысль. Он резко развернулся и что есть силы рванул ко второй проруби, о которой преследователи ничего не подозревали, она уже затянулась корочкой льда и была присыпана снежком. Не ожидая такой прыти от батюшки, Зубов с Брюхановым недоуменно переглянулись и бросились следом. Тонкий лед с хрустом проломился под отцом Петром, и уже в следующее мгновение Зубов оказался рядом с ним в темной холодной воде. Брюханов сумел погасить скорость движения, воткнув штык в лед, но, упав на лед, его тело по инерции продолжало скользить до самого края проруби.

Зубов, вынырнув из воды с выпученными от страха глазами, схватился за край проруби и заверещал что было сил:

— Тону, тону, спасите! Брюханов, руку, дай руку, Бога ради!

Брюханов протянул руку, Зубов судорожно схватился за нее сначала одной рукой, а потом другой, выше запястья. Тот, поднатужившись, стал уже было вытягивать Зубова, но подплывший сзади Петр ухватился за него. Такого груза Брюханов вытянуть не мог, но и освободиться от намертво вцепившегося в его руку Зубова тоже не мог и, отчаянно ругаясь, стал сползать в прорубь, в следующую минуту оказавшись в ледяной воде. Неизвестно, чем бы это все закончилось, не подоспей вовремя пришедший на реку Крутов. Он подобрал валяющуюся винтовку и, взявшись рукой за ствол, ударил прикладом в лицо отца Петра. Тот, отцепившись от Зубова, ушел под воду. В следующую минуту Крутов вытянул красноармейцев на лед. Из-под воды снова показался отец Петр.

— Господи, Ты веси, Ты вся веси, яко люблю Тя, — с придыханием выкрикнул он.

— Вот ведь какая гадина живучая, — озлился Зубов и, схватив винтовку, попытался ударить отца Петра, целясь прикладом в голову, но попал вскользь, по плечу.

Отец Петр подплыл к противоположному краю проруби; ухватившись за лед, поднапрягся, пытаясь вскарабкаться, непрерывно повторяя:

— Ты веси, яко люблю Тя...

В это время подошедший к проруби комиссар выстрелил в спину уже почти выбравшемуся отцу Петру из револьвера.

Петр, вздрогнув, стал медленно сползать в воду, поворачиваясь лицом к мучителям. Глаза его выражали какое-то детское удивление. Он вдруг широко улыбнулся и проговорил:

— Но яко разбойника помяни мя...

Дальше он уже сказать ничего не мог, так с широко открытыми глазами и стал погружаться медленно в воду. Коган как-то лихорадочно сделал три выстрела вслед уходящему под воду отцу Петру, вгоняя в прорубь пулю за пулей. Вода в проруби стала еще темнее от крови.

— И впрямь красное крещение, — пробормотал Крутов. Сплюнув на снег, он скомандовал красноармейцам: — Чего стоите, вон отсюда.

Красноармейцы сразу же, подхватив винтовки, побежали к селу.

Крутов подошел к лежащему на снегу Степану. Вынул нож и перерезал веревки, стягивающие руки юноши. Потом поднял его, снял с себя полушубок и накинул на плечи Степана.

— Давай, парнишка, обопрись на меня, пойдем домой.

Поддерживая Степана, Крутов побрел с ним в сторону села.

— Это что такое, — с возмущением воскликнул Коган, — ты, товарищ Крутов, ответишь перед ревтрибуналом за пособничество контре.

— Сам ты контра поганая, да и гусь свинье не товарищ, — не оборачиваясь, бросил презрительно Крутов.

— Что, что ты сказал? — завопил Коган, выхватывая револьвер.

Крутов, не обращая внимания на его крики, шел дальше, поддерживая валившегося с ног Степана.

Коган побледнел от злости и навел револьвер на удаляющегося Крутова. Рука его дрожала.

— Именем революции, — прошептал он и спустил курок.

Раздался выстрел. Крутов, вздрогнув, стал медленно оседать на снег. Выпущенный им Степка обессиленно упал рядом. Падая на снег, Крутов прошептал:

— Вот гнида, в спину.

Он перевернулся на бок, дотянулся до кобуры и с усилием вытащил маузер. Комиссар, увидев, как Крутов вытаскивает маузер, попытался снова в него выстрелить. Но патронов в барабане уже не было, и револьвер лишь бесполезно щелкал. Крутов криво улыбнулся и навел маузер на комиссара. Тот, в страхе оглядываясь на Крутова, побежал.

— От пули не убежишь, — прошептал Крутов.

Но в его глазах стал появляться туман, и он уже плохо видел комиссара. Крутов загреб в свободную руку снег и протер им глаза. Открыв глаза, он поймал Когана на мушку и выстрелил. Комиссар по инерции сделал еще несколько шагов в сторону проруби, но уже на

подкосившихся ногах, и упал на самом ее краю. Струйка крови потекла по льду от головы Когана и стала стекать в холодную темную воду. Крутов, увидев, как упал комиссар, ухмыльнулся и прошептал:

— Значит, Бог есть! — Голова его безжизненно упала на снег.

58

В доме отца Петра на кровати лежал Степан. Все тело его горело от жара. Матушка Авдотья то и дело меняла на его лбу холодные компрессы.

Степан открыл глаза и, присмотревшись, увидел, что у дверей стоят его родители: мать в белой одежде сестры милосердия, отец в белом парадном мундире поручика с Георгиевскими крестами. Рядом с ними отец Таврион во всем монашеском, но клобук и ряса белые, игуменья Евфросиния и монахиня Феодора, тоже в белом. Все они молча улыбаются ему. Степан радостно улыбнулся им в ответ и протянул руку.

— Что ты хочешь, Степа, — спросила матушка, видя протянутую руку больного.

Степан шепотом пытался что-то сказать матушке. Она склонила к нему ухо и расслышала:

— Что же, матушка, вы их в дом не приглашаете?

— Кого тут приглашать, Степа? — спросила матушка так же шепотом, озираясь кругом и никого не видя.

— Так вот же они, стоят у дверей: мои папа и мама, отец Таврион, матушка Евфросинья.

Авдотья в недоумении вновь оглянулась на двери, но никого там не увидела.

— Бедный мальчик, — со вздохом всхлипывает матушка, — он бредит.

— Я не брежу, матушка, я просто их вижу. Как же вы их не видите?

Степан вновь глядит на своих родных и замечает вместе с ними отца Петра, тоже в белой рясе, который приветливо машет ему рукой.

— Вот и отец Петр с ними, — радостно шепчет Степан, — значит, Господь его простил.

Степан видит, как из-за отца Петра протискивается Крутов в белой каракулевой шапке и белой бурке. Он озорно подмигивает Степану. Степан подмигивает ему в ответ и шепчет:

— Милостив Господь, не то что мы, грешники. — И поворачивается к Авдотье: — Они зовут меня, матушка. Помогите мне подняться, я пойду с ними. — Он еще раз улыбнулся и, облегченно вздохнув, прошептал: — Я пошел, матушка, до свидания.

— Прощай, Степушка, — тихо сказала матушка, закрывая большие, навеки застывшие голубые глаза Степана.